

в собрании Государственного музея Востока

ВЛАДИВОСТОК 2020

Издание подготовлено к выставке «Бабур-наме» из собрания Государственного музея Востока»
02 октября 2020 – 14 февраля 2021
Приморская государственная картинная галерея
Владивосток, ул. Алеутская, 12
Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом Государственного музея Востока

Государственный музей Востока
Генеральный директор – Александр Седов
Заместитель генерального директора по учету и хранению, главный хранитель – Дарья Смирнова
Заведующая отделом искусства стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной и Южной Азии, куратор выставки – Евгения Карлова
Заместитель заведующей отдела выставок и постоянных экспозиций – Ольга Прыткова

Приморская государственная картинная галерея
Директор – Алёна Даценко
Заместитель директора по научной работе – Наталья Левданская
И.о. главного хранителя – Ольга Чадова
Заведующая выставочным отделом – Наталья Оселедец
Научный сотрудник выставочного отдела, куратор выставки – Елена Клымюк

Над изданием работали:
Ответственный редактор (ГМВ) – Александр Седов
Автор вступительной статьи и составитель каталога (ГМВ) – Евгения Карлова
Корректор (ГМВ) – Светлана Лапина
Дизайн, вёрстка (ПГКГ) – Роман Чадов
Фотографии (ГМВ) – Евгений Желтов

بابر نامه

Рукопись «Бабур-наме» из собрания Государственного музея Востока притягивает внимание исследователей уже более ста лет, с момента её первой публикации. Интересна и загадочна её история: мы не знаем имён художников, которые выполнили иллюстрации, хотя о мастерах той эпохи известно довольно много. Мы не знаем точно, каким образом рукопись попала в Россию и оказалась в руках московских коллекционеров – сначала А.В. Морозова, а потом П.И. Щукина. Изучение высочайшего качества иллюстраций происходило одновременно с изучением текста «Бабур-наме», и даже сейчас внимательного зрителя удивляет точность, внимание к деталям, множество смыслов, которые вложили художники в эту работу.

Иллюстрации «Бабур-наме» довольно точно следуют тексту – интереснейшему памятнику эпохи. Захир ад-дин Мухаммад Бабур был выдающейся личностью. Основатель Империи великих моголов обладал не только даром политика и полководца, но и тонкой, трепетной душой – он оставил нам великолепные стихи, полные любовной страсти и глубоких размышлений. Только человек с храбрым и хрупким сердцем мог написать собственной рукой удивительно откровенные, иногда даже безжалостные к себе, но увлекательные и очень жизненные воспоминания.

Бабур прожил яркую, но не очень долгую жизнь, большая часть которой прошла в лишениях и трудностях военных походов. Однако уже его внук, падишах Акбар, стоял во главе одной из самых блестящих империй своего времени. По его заказу придворные художники создали самые выдающиеся произведения искусства, которыми может гордиться Индия – по счастью, многие из них дошли до наших дней. Глядя на драгоценные миниатюры, созданные для Акбара и иллюстрирующие жизнь его великого деда, невольно задумаешься: что видели в этих работах современники, случайны ли позы, одежды персонажей, нет ли здесь той самой вечной, ускользающей от нас тайны?

Выставка, которую сотрудники Государственного музея Востока подготовили для Приморской государственной картинной галереи, – в некотором роде волшебная дверь в другой мир. Каждая из миниатюр «Бабур-наме» – это целая вселенная, которую можно постигать, рассматривая часами, и находить всё новые и новые детали. Именно так поступал падишах Акбар Великий и так предлагаем мы поступить и вам. Надеемся, что этот каталог – ключ хотя бы к тем загадкам удивительной рукописи, которые готовы нам открыться. Совершим путешествие в прошлое вместе.

БАБУР-НАМЕ

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур (1483–1530) прожил жизнь не слишком долгую, но полную удивительных событий. Родившись в семье правителя Ферганы, он по мужской линии был потомком Тимура (Тамерлана, 1336–1405), а по женской – чингизидом, т.е. потомком Чингисхана (ок. 1155 или 1162–1227). Потеряв отца в возрасте 11 лет, он тут же оказался вовлечен в политические интриги и военные схватки в борьбе за тимуридское наследство. Территория Средней Азии того времени представляла собой конгломерат сравнительно небольших политических образований, которые легко переходили из рук в руки, дробились и меняли границы в зависимости от удачливости и военной силы претендентов на власть. Бабур активно включился в эти процессы и заявил свои претензии на трон Самарканда, столицу славного Тимура – мечта, к осуществлению которой он не раз был близок, но так и не сумел воплотить в жизнь. В итоге Бабур утратил собственные родовые владения и, не сумев добыть себе царства на родине, был вынужден обосноваться в Кабуле, постепенно присоединяя близлежащие земли. Ключевым в его завоеваниях становится 1526 г., когда Бабуру подчиняется Северная Индия. Он становится основателем династии Моголов (1526–1858), первые шесть представителей которой, единолично правившие обширными владениями в Хиндустане, по праву носят имя Великих Моголов. Название династии происходит от искаженного слова «монгол». Этот термин использовался европейцами, сами же могольские правители воспринимали себя тимуридами, т.е. потомками Тимура.

Воспоминания Бабура, «Бабур-наме»[1], были написаны им не единовременно, хотя очевидно, что в их основе лежат записки, которые Бабур делал в течение всей жизни. Главное достоинство этого текста – откровенность, с которой он описывает происходившие с ним события, собственные чувства, слабости, желания. Его можно назвать отстраненным свидетелем событий, но нельзя назвать беспристрастным: мы всегда понимаем, кто из героев происходящих событий автору неприятен, причем иногда он не жалеет для таких персонажей и крепкого словца. Бабур может подробно и скрупулезно описывать родственные и политические связи кого-то из ханов и в то же время уделить несколько абзацев описанию хорошей пирушки или разновидностей плодовых деревьев. Жизнь интересует его во всех проявлениях, недаром значительная часть «Бабур-наме» отведена описанию флоры, фауны, обычаев новых для Бабура мест.

Следует помнить, что рукопись, с которой мы имеем дело, была выполнена примерно через 70 лет после смерти Бабура, в правление его внука, Акбара (1542–1605). Это время, безусловно, можно назвать периодом расцвета могольской Индии. Акбар подарил своей стране 50 лет спокойствия и поступательного развития. Он сформулировал философию единой империи, реализуя концепцию сплоченности разными способами: от последовательных браков с индусскими принцессами до попыток создания собственной религии. Акбар воспринимал себя почти как мессию, создавая вокруг себя с помощью существующих и создаваемых заново исторических текстов новое поле смыслов. Генеалогия – это важнейший инструмент легитимизации власти, который для восточных монархий традиционно заключался

[1] Наме (от перс наме/нама – «письмо», «надпись», «книга») – персидский литературный термин, прилагавшийся к любому последовательному рассказу. Название «Бабур-наме» текст получил после перевода на персидский язык, сам же Бабур называл свои мемуары тарих («летопись», «хроника») или вакаи («события», «путешествия»). В могольскую эпоху этот текст называли «Вакиат-и Бабури» или «Тузук-и Бабури», что может быть переведено как «Записки Бабура». Наиболее авторитетным считается так называемый Хайдарабадский список «Бабур-наме», созданный ок. 1700 г., с которого были выполнены переводы на все европейские языки, в том числе и русский перевод М.А. Салье, впервые опубликованный в 1948 г. (Захириддин Бабур. Бабур-намэ. Пер. М. Салье. Ташкент, 1948), дополненные издания которого (Бабур-намэ. Пер. М. Салье. Ташкент, 1992; Бабур-наме. Пер. М. Салье. Под редакцией М. Шевердина. Баку, 2011) использовалось при подготовке данного каталога. Существует и прижизненный Бабуру список «Бабур-наме», который хранится в Тегеране в библиотеке Салтанати (инв. № 2249) (подробнее об этом см.: Султанов Т.И. "Обстоятельства и время написания «Бабур-наме»" // Тюркские и монгольские письменные памятники. М., 1992, с. 86–96).

в возведении династии к великому предку. Или, как в случаях с раджпутскими династиями, к божественному происхождению.

Бабур в «Бабур-наме» (написанном уже после завоевания Индии, то есть после обретения новых «наследственных» земель для своих детей) особое место уделил возведению своего рода к Тимуру. Он не отрицал и своих чингизидских кровей, однако для претендента на власть в Центральной Азии того периода кочевые монголы были менее предпочтительными предками. Для Акбара принципиальным было не просто продолжить эту линию, но и представить себя в центре последнего к моменту его воцарения тимуридского государства как единственного наследника великого прошлого.

Для этой цели Акбаром был предпринят комплекс мероприятий – в первую очередь составление его визирем Абу-л Фазлом (1551–1602) двух блестящих, в высшей степени панегирических текстов, суть которых состоит в восхвалении падишаха. Это «Установления Акбара» («Аин-и Акбари») и «Хроники Акбара» («Акбар-наме»). Оказавшиеся при дворе Акбара путешественники рассказывают, что все действия падишаха тщательно фиксировались – вплоть до точного времени, которое он проводил в гареме или за приемом пищи. Для этого, по свидетельству очевидцев, были выделены два писца, сменявшие друг друга. Абу-л Фазл прослеживает генеалогию Акбара от Адама, а Чингизидская и Тимуридская династии представлены им как существовавшие единственно ради соединения вместе с величайшей целью воплощения венца творения – падишаха. Более того, он даже намекает на божественное происхождение Акбара, описывая непорочное зачатие трех сыновей легендарной монгольской принцессой Аланкоа[2].

Акбар, судя по предоставленной нам Абу-л Фазлом информации, если и не был совсем неграмотным, то точно читал и писал с большим трудом – книги ему читали вслух. Очевидно, это сыграло свою роль в формировании у Акбара хорошей памяти и цепкого ума, а также в его способности слушать – и слышать – других людей, ибо всю информацию он получал от них, а не из книг или документов. Подобная ситуация не была в те времена чем-то из ряда вон выходящим: великий предок Акбара, Тимур, тоже был неграмотным. Это не помешало ему, впрочем, быть покровителем искусств, проявляя исключительный интерес к архитектуре. Это же свойство мы находим и в характере Акбара, который был очень увлечен всеми видами искусства – от живописи до литературы.

Перевод «Бабур-наме» с родного языка Бабура, чагатайского тюрки, на персидский сделал по приказу Акбара один из его визирей, блестящий ученый и полиглот Мирза абд аль-Рахим хан-и Ханан (1556–1626), закончив его к ноябрю 1589 г. Это была не первая попытка перевода воспоминаний Бабура[3], однако впервые работа была доведена до конца и представлена падишаху. Первая иллюстрированная книга «Бабур-наме» была готова уже в 1590 г. Предполагается, что именно она была расшита для продажи одним из европейских дилеров в 1913 г.: двадцать листов из нее попали в коллекцию Музея Виктории и Альберта[4], несколько – в библиотеку Честера Битти (Дублин)[5] и галерею Саклера (Вашингтон)[6]. Эти первые иллюстрации с холодным, звонким колоритом сохранили великолепные поля *хашия*, расписанные твореным золотом. Благодаря сохранившимся на них надписям мы знаем дату создания и имена художников, которые работали над ними. По мнению исследователей, над одной рукописью могли трудиться более пятидесяти художников-иллюстраторов, чьи имена часто написаны на полях рукой чиновника шахской *китабхане* (от слова *китаб* – «книга»).

Несколько манускриптов были выпущены в течение последующих десяти лет для членов семьи Акбара и его приближенных. Их точное количество установить непросто, поскольку практически все они были расшиты, а сохранившиеся сейчас в переплете рукописи были скомпонованы в XIX в. К сожалению, миниатюру часто рассматривают в отрыве от рукописи целиком, а ведь именно рукописная книга в большинстве случаев и была продуктом работы *китабхане*. Это происходит оттого,

[2] Abu-l Fazl Allami. Akbarnama. Tr. by H. Beveridge. Vol. I. Delhi, 1993, p. 50–53.

[3] В 1583 г. Паянде Хасан из Газни и Мухаммад Кули из Хисара независимо друг от друга предприняли попытки перевода по собственной инициативе, но они не были закончены. Сейчас части этих работ хранятся в Британском музее и в Бодлианской библиотеке (подробнее см.: Verma S.P. The Illustrated Baburnama. New York, 2016, p. 7).

[4] Stronge S. Painting for the Mughal Emperor: The Art of the Book 1560–1660. London, 2002, p. 86–91.

[5] Leach L.Y. Mughal and Other Indian Paintings from the Chester Beatty Library. London, 1995.

[6] Arthur M. Sackler Gallery (Smithsonian Institute), nos. S1986.230, S2015.27, S2009.3, S1986.232, S1986.231 (https://asia.si.edu/).

что самостоятельная ценность этих живописных произведений в глазах торговцев выше, чем книги как таковой, и книги часто расшивали, особенно в новейшее время, чтобы продать иллюминированные листы подороже.

Один из наиболее полно сохранившихся – манускрипт из Британской библиотеки[7]. Он датируется 1590 г. и содержит 141 миниатюру (из них 68 – полностраничные иллюстрации). Все миниатюры в этом списке, кроме десяти, подписаны – всего в работе участвовали 54 художника. Эта рукопись не была закончена – две миниатюры с сохранившимся богато украшенным фронтисписом представляют собой нерасцвеченные рисунки. Еще одна, почти полностью законченная рукопись, выполненная в 1597–1598 гг., хранится в Национальном музее в Нью-Дели[8]. В делийском списке на миниатюрах также присутствуют имена художников. Хотя в этот период уже сложилось своеобразное разделение труда в этой сфере – существовали художники-специалисты по составлению композиции, исполнению лиц и проч. – каждая миниатюра была выполнена одним мастером[9].

Рукопись из Музея Уолтерс (Балтимор) была переплетена для перепродажи антикваром в XIX в. и представляет собой небольшую часть манускрипта – всего 30 листов с миниатюрами[10]. Они были выполнены предположительно в 1600–1601 гг. У всех этих миниатюр сходный выбор сюжетов, заимствованный из манускрипта 1590 г., однако композиции разные. Еще более 100 отдельных листов с иллюстрациями к «Бабур-наме» разбросаны по разным музейным и библиотечным собраниям[11].

Одна из самых представительных коллекций миниатюр с иллюстрациями к «Бабур-наме» – 57 листов, из которых – 12 с двусторонней живописью, – хранится в собрании Государственного музея Востока в Москве[12]. Вероятно, миниатюры Государственного музея Востока и Музея Уолтерс некогда были частью единого манускрипта. В пользу этого говорит одинаковый размер листов и то, что в обоих собраниях есть парные миниатюры[13], которые некогда составляли один разворот, хоть и выполнены они были, судя по всему, разными художниками. К сожалению, ни в отечественном, ни в американском списке нет никаких пометок, которые помогли бы определить имена художников.

Миниатюры московского собрания расшиты и представляют собой набор отдельных листов. Они были приобретены в 1906 г. русским промышленником, предпринимателем и коллекционером А.В. Морозовым (1857–1934) и подарены другому крупнейшему московскому собирателю П.И. Щукину (1853–1912). В Государственный музей Востока миниатюры к рукописи «Бабур-наме», как и другие предметы из щукинского собрания, попали из Государственного исторического музея.

Художники акбаровского времени, среди которых были выходцы из Ирана, Средней Азии, а также индийцы, выработали свою собственную уникальную манеру, принципиально отличную и от персидской, и от индийской традиции. Ее принципиальное отличие заключалось в обращении художника к природе, в наблюдении за человеком или животным, что позволяло создавать точные и верно отражающие реальность рисунки. Другое важное отличие заключается в построении гармоничных связей между персонажами композиции, которые активно взаимодействуют, общаются, выражают эмоции. Этому в большой степени способствовали оживленные контакты двора Акбара с европейцами в 1570-х гг. и позднее, благодаря чему ко двору падишаха попадало множество европейских рисунков и гравюр. Живопись могольского времени уникальна разнообразием жанров и мотивов – здесь получила развитие портретная живопись (в том числе автопортрет), а кроме того, исторический, батальный жанр, иллюстрации литературных произведений, изображения природы. При этом важнейшей ее функцией оставалось документирование исторических событий, природных явлений. И в этом принципиальная особенность могольской живописи – она предлагает нам факты. Специфика административ

[7] The British Library, Or. 3714 (https://www.bl.uk/). Несколько листов из этого списка есть в Музее Виктории и Альберта и других собраниях.

[8] National Museum, no. 50.326 (http://nationalmuseumindia.gov.in/).

[9] Verma S.P. Op. cit., p. 8.

[10] The Walters, no. W596 (https://thewalters.org/).

[11] В том числе: в библиотеке Миллет (Стамбул), в музеях Гиме и в Лувре (Париж), в Честер Битти (Дублин), в Национальном музее Пакистана (Карачи), в Музее Метрополитен (Нью-Йорк), в Школе дизайна Род-Айленда, в Музее искусства Филадельфии, в Окружном музее Лос-Анджелеса (LACMA), в коллекции Ага Хана (Торонто), в галерее Колнаги (Лондон), в Бодлианской библиотеке (Оксфорд), в Музее Фогг (Кембридж). Еще одна, более поздняя копия XVIII в. хранится в Государственном музее Альвара (Индия).

[12] Наиболее полная публикация: «Бабур-наме». Миниатюры из собрания Государственного музея Востока. Самара, 2005.

[13] Ср. W.596.11A и кат. 52 (см.: Шептунова И.И. "Три манускрипта «Бабур-наме». Опыт сравнительного анализа" // Научные сообщения Государственного музея Востока. Вып. XXVI. М., 2006).

ного аппарата моголов, с одной стороны, и место художника при дворе, с другой, способствовали тому, что весь процесс создания миниатюры – от технологических приемов до имен конкретных мастеров – задокументирован и доступен современному исследователю.

Раннемогольская бумага представляет собой смесь льняных и джутовых волокон. Сначала делался набросок углем, затем контуры будущего рисунка прорисовывались тонкой линией с помощью кисти. После этого на рисунок наносился первый белый подмалевок, по которому тонкой черной линией вновь прорисовывались контуры изображения, закрывавшиеся вторым слоем белой краски до полувидимости. Перед нанесением красок лишние линии на рисунке зачищались острым бумажным ножом и поверхность рисунка полировалась. Краски клали по одной, полупрозрачными слоями. После нанесения всех цветов прорисовывались детали, в некоторых случаях обозначалась светотеневая моделировка. В последнюю очередь наносилось золото, олово для достижения эффекта серебра (так как серебро со временем темнеет, то его заменяло олово) и прорисовывался жемчуг, для чего использовали измельченный перламутр или белила, смешанные с меловой пылью, что давало пастозность мазку. Золото и олово могли наноситься как в виде смешанного со связующим порошка, так и в виде тонких листиков, причем часто их поверхность прокалывалась тупой иглой – это обогащало фактуру и усиливало блеск[14].

В качестве связующего для пигментов в основном использовался гуммиарабик – твердая прозрачная смола некоторых видов акации, которая хорошо растворяется в теплой воде и быстро затвердевает на воздухе. Связанные этим веществом пигменты накладывались слоями, каждый из которых подвергался затирке и последующей общей полировке, что обеспечивало надежное соединение красок с рыхлой поверхностью бумаги практически на молекулярном уровне. Полировка происходила с обратной стороны: рисунок переворачивали лицевой стороной вниз на очень гладкой поверхности – мраморе, пластине из слоновой кости, в более позднее время – на стекле. Полировку обычно производили с помощью гладкого камня, часто агата (*гхота*) или хрустального яйца. Благодаря этому поверхность миниатюры получалась гладкая и блестящая, как будто покрытая эмалью. Позолота наносилась на слой гуммиарабика в последнюю очередь и полировалась по лицевой стороне изображения с помощью небольшого камня или бруска из слоновой кости[15]. Иногда тонкий лист с миниатюрой для лучшей сохранности сразу же дублировался на более толстый, состоявший из нескольких склеенных вместе листов бумаги (*васли*).

Непрозрачность листа с могольской миниатюрой, которая, по сути, представляет собой разновидность акварели, происходит не от качества связующего, а от метода нанесения[16]. Краски использовались как органического (индиго, красный лак, ламповая сажа и проч.), так и минерального (азурит, малахит, киноварь, охра и проч.) происхождения. В ходу были также химические соединения и оксиды различных металлов – цинковые и свинцовые белила, оксид меди. Пигменты смешивали редко, стараясь сохранить чистоту цвета. Особый интерес вызывает так называемый индийский жёлтый (*пеори* или *гау голи*), который получали выпариванием коровьей мочи от животных с особым заболеванием печени или таких, которых специально кормили манговыми листьями (этот яркий пигмент обладает флуоресцирующими свойствами)[17].

Кисти, как правило, использовались беличьи. Их волоски связывали и протягивали через ствол птичьего пера, закрепляя затем на бамбуковой палочке. Волоски обрезали, но лучшим для тонкой живописи считалось использование естественного тонкого окончания волоса. Для каждого цвета использовали свою кисть. Мастера работали сидя на полу, подкладывая под бумагу планшет, который держали на колене. Рядом на полу раскладывали небольшие речные ракушки, в которых хранили смешанные со связующим веществом краски. Иногда использовались низкие столики. Существует множество миниатюр, на которых изображены художники и каллиграфы за работой, например: лист с изображением китабхане падишаха Акбара из альбома «Насировой этики» («Ахлак-и Насири») из коллекции Ага Хана[18] или

[14] Masters of Indian Painting. Niyogi Books, 2011, p. 795.

[15] Там же, p. 793.

[16] Подробнее о технологии, пигментах и связующем см.: Johnson B.B. "A Preliminary study of the technique of Indian miniature painting" // Aspects of Indian Art. Leiden, 1972, p. 143.

[17] Masters of Indian Painting, p. 795.

[18] См. лист 196 из «Насировой этики», созданной в 1590–1595 гг. (Aga Khan Museum Collection: https://agakhanmuseum.org/collection).

знаменитый альбомный лист из «Альбома Гульшан», хашия которого художник Даулат украсил изображениями художников и каллиграфов[19].

Некоторые миниатюры «Бабур-наме» сопровождают вставки текста, в большинстве случаев текст имеется и на обороте листа с живописью. Однако и в том и в другом случае он не всегда соответствует изображенным событиям, которые, в свою очередь, не всегда буквально следуют тексту. Очевидна тенденция преувеличивать значимость некоторых событий – второстепенные стычки иногда приобретают вид масштабных, многолюдных битв, а встречи в разбитом в степи полевом лагере превращаются в многолюдные приемы. Бабур на всех миниатюрах московской рукописи, включая события, описывающие его детство, изображен зрелым бородатым мужчиной, воином. Однако в более ранних списках, хранящихся в других музеях, в начале жизни мы видим его безбородым юношей, иногда даже ребенком. Сам Бабур, кстати, упоминает знаменательное событие, когда впервые «приложил к лицу бритву» – это произошло в 910 г.х. (1504–1505), когда ему уже исполнилось 23 года.

В «Бабур-наме» различные этносы упоминаются в контексте, который дает нам возможность понять, каким видел Бабур свое место в окружающем мире. Так, он упоминает о монгольском хане[20], своем родном дяде по матери, у которого он жил в Ташкенте после второй неудачной попытки закрепиться в Самарканде. Несмотря на то что в жилах Бабура как потомка чингизидов текла и монгольская кровь, принятые при ханском дворе обычаи он описывает отстраненно, как чуждые и непонятные ему.

Московский список сохранился в виде разрозненных листов, поэтому определение точного места расположения той или иной миниатюры в манускрипте потребовало от первых его исследователей значительных усилий[21]. Если следовать не хронологии, а принимать во внимание последовательность изложенных в тексте воспоминаний событий, то первой в московском списке должна быть миниатюра, изображающая встречу Бабура со своей родной сестрой Ханзаде Биким, которая была старше его на пять лет (Кат. 1). Это событие произошло в 917 г.х. (1511 г.), когда Бабуру было 28 лет, и это одна из немногих миниатюр московского собрания, на которой изображены женщины.

У их общего отца было восемь детей от разных жен, и с Ханзаде Биким у Бабура была общая мать. Во время одной из неудачных попыток овладеть Самаркандом Бабур был вынужден поспешно бежать, бросив в городе гарем. Ханзаде Биким досталась взявшему Самарканд Мухаммаду Шейбани-хану, который взял ее в жены. После того, как основатель иранской династии Сефевидов шах Исмаил разбил Шейбани-хана, он по традиции отправил женщину под опеку ближайшего родственника-мужчины, которым оказался Бабур.

Действие на миниатюре происходит в гареме, куда нет доступа чужим мужчинам, поэтому свиту Бабура, в том числе его оруженосца, мы видим в нижней части рисунка – они ожидают за дверьми. Появление Бабура вызвало заметное ожив-

[19] Хранится в Тегеране, в библиотеке дворца Голестан (Ms. 1668, Fol. 44b). Художник Даулат работал в 1595–1635 гг.

[20] В издании «Бабур-наме», цитаты из которого приведены в этой работе, монголы названы «моголами», что не вполне корректно и не отображает реалии описываемых событий. Сейчас «моголами» принято называть потомков пришедших на территорию современного Афганистана вместе с Бабуром жителей Средней Азии, хотя изначально этот ныне устаревший термин в русском языке, как и в персидском, обозначал то же самое, что и «монгол». Под понятием «династия Моголов» мы имеем в виду мусульманских правителей Северной Индии, потомков Бабура, а в «Бабур-наме» неоднократно упомянуты именно монголы, казахские и узбекские чингизиды. К последним, кстати, относился и Шейбани-хан, многолетний соперник Бабура. Однако сам Бабур в своих воспоминаниях называет его «узбеком», противопоставляя его себе как «тимуриду». Современные исследователи применяют к самому Бабуру этноним «тюрок» – его родным языком был чагатайский тюрки, на котором и написан «Бабур-наме». Тюрки исторически составляли подавляющее большинство населения этой части монгольских земель, и с XIV в. золотоордынские ханы использовали в качестве официального языка тюркский, часто в сочетании с уйгурским алфавитом. Также поступал и Тимур, который использовал в официальных документах также и персидский.

[21] См.: Тюляев С.И. "Миниатюры мемуаров Бабура" // Литература и искусство Узбекистана, 1938, №1; Тюляев С.И. Миниатюры рукописи «Бабур-наме». М., 1960; Шептунова И.И. "«Бабур-наме». Текст и иллюстрация" // Научные сообщения Государственного музея Востока. Вып. XXV. М., 2002, с. 160–191.

ление среди дам: многие из них застыли в характерном жесте любопытства (указательный палец приложен к губам), другие указывают на вошедшего пальцем. Бабур упоминает, что женщины не сразу узнали его, ведь брат и сестра встретились после десяти лет разлуки. Это произошло только после того, как он назвал свое имя. Ханзаде Биким в халате фиалкового цвета изображена в центре композиции: она протягивает руки брату. Рядом с Бабуром стоит Мухаммад Кукельташ, его молочный брат. То, что Бабур обращается к этому событию, произошедшему позже описанных далее, в начале своих воспоминаний является одним из признаков того, что «Бабур-наме» не была в полном смысле дневником и была написана Бабуром единовременно, уже в конце жизни.

Далее в тексте воспоминаний одно за другим идут события 899 г.х (1494). Миниатюра «Прибытие Бабура к воротам крепости в Андижане» иллюстрирует момент, когда Бабур получил известие о смерти своего отца, Умар-шейха (Кат. 2). Тот погиб во время обрушения скалы, на которой находилась его голубятня. Бабур в момент получения печального известия находился за стенами города и тут же попытался вернуться. Но у ворот города его остановил один из придворных отца, сообразивший, что юного наследника могут выдать более могущественному правителю Самарканда Султану Ахмеду мирзе (1451–1494) свои же собственные беки. Он решил его спрятать, взял коня Бабура под уздцы и повел прочь из города. На миниатюре этот момент отображен не буквально: мы видим персонажа, увлекающего конного Бабура прочь от ворот города, однако поводья коня находятся в руках у самого Бабура. Покорно сидеть на лошади, когда ее ведет другой человек, прославленный падишах и основатель династии в представлении современников Акбара, конечно, не мог. Свита Бабура в недоумении протягивает руки вслед отъезжающему. К тому же на этой миниатюре Бабур – взрослый бородатый мужчина, хотя в момент происходящих событий ему было всего одиннадцать лет.

Согласно «Бабур-наме» находившиеся в крепости Андижана беки сразу приняли решение поддержать Бабура как наследника и послали гонца с тем, чтобы вернуть его обратно. Согласно тексту воспоминаний гонец настиг его неподалеку от Намазгаха – большой загородной мечети. Бабур тут же вернулся в крепость и приступил к ее укреплению в ожидании прихода войск Султана Ахмеда мирзы. Совещание беков на миниатюре московского собрания изображено как происходящее в большой мечети, на что указывает архитектура изображенного здесь помещения – большой купол, *михраб*, около которого расположен пустой *минбар*, два *муэдзина* на крыше (их легко узнать по закрытым руками ушам – это жест *муэдзина* в момент призыва к молитве, *азана*) (Кат. 3). У многих в руках четки или Коран, а персонаж в оранжевом халате, изображенный в левом углу, очевидно, под тяжестью принимаемого решения в одной руке сжимает Коран, а другой вливает себе в рот вино.

Опасения беков оказались оправданы – большое войско Султана Ахмеда мирзы довольно быстро оказалось под стенами Андижана, но тут, по словам самого Бабура, «*Аллах всевышний… явил несколько дел, из-за которых враги стали тяготиться этим походом. Они даже раскаивались в своем преступлении и вернулись назад без удачи*»[22]. Произошло следующее: при переходе по мосту через болотистую реку в местечке Куба случилась давка, всадники и верблюды попадали в реку и многие погибли. Это событие живо напомнило солдатам Султана Ахмеда мирзы случившуюся несколькими годами ранее такую же давку на мосту через реку Чир, также приведшую к множеству жертв, и войско оказалось полностью деморализованным. В результате Бабуру удалось заключить мирный договор и сохранить свои родовые земли. На миниатюре, иллюстрирующей это событие, в центральной части композиции располо-

[22] «Бабур-наме». Ташкент, 1992, с. 30.

жена крепостная стена: она отделяет изображенного в стенах Андижана Бабура от давки и сумятицы, происходящей на мосту под ним (Кат. 4).

В том же году произошло еще одно событие, угрожавшее Бабуру. Абу-Бакр Дуглат, эмир племени дулат и правитель Кашгарии, в попытках расширить свои владения подошел к Узгенду[23]. Бабур выслал ему навстречу отряд беков: *«Когда они подошли близко, Кашгари увидел, что он не соперник этому отряду. Призвав Ходжа Кази в посредники, он освободился с помощью сотни уловок и хитростей»*[24]. Однако на нашей миниатюре ситуация изображена куда более героической и славной: всадники бабурова войска настигают противников и разят их саблями, те пытаются отстреливаться из луков (Кат. 5). Две крепости в верхней части миниатюры – Узгенд (он справа) и воздвигнутые Абу-Бакром Дуглатом неподалеку временные укрепления, размеру которых автор этой миниатюры заметно польстил.

Бабур раздавал земли приближенным и назначал от своего имени правителей в городах оказавшейся в его власти Ферганской долины. В Андижан был назначен Хасан Якуб, являвшийся родственником одного из придворных Султана Махмуда мирзы, сменившего к тому времени на троне Самарканда почившего Султана Ахмеда мирзу. Этот придворный прибыл в Андижан в составе посольства и по подозрениям Бабура уже тогда начал склонять Хасан Якуба к измене. Переворот и низложение Бабура готовились так неаккуратно, что многие были в курсе происходящего и поддержали законного правителя. На одной из миниатюр изображены приведенные к Бабуру заговорщики – их одежда в беспорядке, чалмы размотаны, руки связаны (Кат 6). «Бабур-наме» не описывает этих подробностей, однако, по мнению художников, очевидно, важно было отразить триумф Бабура и заслуженную кару, постигшую мятежников. Когда Бабур направился в крепость Андижана *«с намерением низложить Хасан Якуба»*, тот был далеко от города – на охоте. Узнав о происходящем, он сразу же отправился за поддержкой в Самарканд с верными ему людьми – этот момент запечатлен на одной из миниатюр рукописи (Кат. 7). Судьба заговорщика сложилась печально: он был ранен в щеку своими же воинами и, *«не успев убежать, стал пленником своих же собственных деяний»*[25].

Тем временем в Самарканде произошел мятеж: Байсункар мирза, сменивший правившего совсем недолго Султана Махмуда мирзу, восстановил против себя самаркандских беков, и те отправили его под арест, а на его место посадили Султана Али мирзу. Байсункар мирза бежал весьма экзотичным способом – разрушив заднюю стену нужника. Собрав подкрепление, он вернулся в Самарканд, где попытался ослепить Султана Али мирзу, проведя по его глазам иглой. Однако *«по воле палача или помимо его желания глаза Султан Али мирзы не потерпели от иглы вреда»,* он бежал, собрал войско и включился в борьбу за Самарканд. *«Весть об этом... пришла к нам в Андижан. Мы тоже, мечтая о Самарканде, четвертого числа того месяца повели войско в поход»*[26]. Так началась продолжительная эпопея

[23] Город в современной Киргизии, примерно в 100 км от Андижана.
[24] «Бабур-наме», с. 31.

[25] Там же, с. 36
26 Там же, с. 45.

с попытками Бабура овладеть этим городом, овеянной славой столицей Тимура. Бабур и Султан Али мирза осаждали город одновременно и в какой-то момент решили встретиться на нейтральной территории. *«С другой стороны подошел Султан Али мирза с войском. С того берега Султан Али мирза с четырьмя или пятью воинами, с этого берега — я и четыре-пять человек выехали на середину Кухака*[27]*. Прямо на конях мы поздоровались и взаимно осведомились о здоровье, потом они уехали на ту сторону, а я вернулся на свою сторону»*[28]. Отметим здесь, что в 906 г.х. (1499–1500) дочь Султана Али мирзы станет первой женой Бабура.

Очевидно, идея встречи посреди реки не встретила понимания у могольских художников, лучше знакомых с полноводными реками Северной Индии, чем с мелкими, часто сезонными реками Средней Азии. На миниатюре через реку Кухак перекинут весьма основательный мост, по которому Бабур пересек ее (Кат. 8). Он изображен справа – – в богатом халате, конный, обнимая также сидящего на коне Султана Али мирзу. Забегая вперед, скажем, что никому из участников осады того года не удалось овладеть Самаркандом – у осажденных было достаточно пищи, а с наступлением холодов всем осаждающим пришлось отступить. Однако Бабур во время этого свидания успел сговориться с Султаном Али мирзой о том, что на следующий год они с наступлением весны снова осадят город. Как и было уговорено, Бабур весной вышел из Андижана и «сорок-пятьдесят дней» стоял в примерно шести километрах от Самарканда, в Хан-Юрте. Осада, судя по всему, не отличалась жесткостью – юноши из города приезжали к лагерю Бабура, чтобы померяться силами с его бойцами, в Хан-Юрт приходили из Самарканда многочисленные торговцы. Тем временем окружающие крепости одна за другой переходили под власть Бабура. На миниатюре зафиксировано одно из таких событий: ворота Самарканда открыты и туда проникают нарушители осады (судя по мешкам и сундукам, это торговцы), а в правой части композиции изображены весьма кровавые поединки (Кат. 9).

Правитель Самарканда, Байсункар мирза, выдерживал осаду семь месяцев, и когда он наконец в поисках помощи вышел за стены крепости,

Бабур тут же узнал об этом и без боя овладел городом. Исполнилась давняя мечта Бабура, и он подробно, с любовью описывает на страницах своего дневника все красоты Самарканда, говоря: *«В обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд»*[29]. При этом Бабур честно отмечает, что в городе царил такой голод и разорение, что люди бежали оттуда и местным жителям не хватало семян для посева, чтобы получить новый урожай. В иллюстрациях к «Бабур-наме», напротив, первое воцарение Бабура в Самарканде отображено весьма оптимистично: для этого добавлена не упомянутая в рукописи сцена приема Бабуром военачальников после вступления в город (Кат. 10). Бабур восседает на троне и милостиво протягивает руки пришедшим поклониться ему мужчинам в причудливых головных уборах, среди которых узнаются высокие киргизские шапки (видимо, так художники представляли себе жителей Самарканда). Перед ним изображено блюдо со знаменитыми среднеазиатскими арбузами, а чуть ниже – аккуратно сложенные отрубленные головы мятежников.

[27] Кухак – одно из старых названий реки Зеравшан

[28] «Бабур-наме», с. 45.

[29] Там же, с. 50.

В то время как Бабур пытался укрепиться в Самарканде, его родной Андижан осадил Султан Махмуд-хан. Это грозило потерей родовых земель и подвергало опасности женщин, родственниц Бабура, которые оставались в Андижане. На свою беду именно в это время Бабур тяжело заболел и не смог вовремя выехать на помощь осажденным. Когда он поправился и выдвинулся в Андижан, город уже пал, что привело в итоге и к потере Самарканда. *«Сколько себя помню, я не знал такого горя и страдания»*[30], – пишет безутешный Бабур об этом периоде своей жизни. Ему пришлось отправиться в Ходжент, где он оставался полтора года, пока не смог вновь овладеть Андижаном. Значительную часть времени в этот период своей жизни, как и позднее, он провел в столкновениях с монгольским военачальником Султаном Ахмедом Танбалом. Около местечка Хубан состоялась первая настоящая битва Бабура, окончившаяся победой, – Танбал бежал, оставив в плену своего брата. Стычки Танбала с Бабуром продолжались до того момента, пока не был заключен договор о разделе земель после будущего нового захвата Самарканда. Последствия одной из таких стычек запечатлены на миниатюре, где к Бабуру приводят полуодетых и израненных связанных пленников (Кат. 11).

Великолепная двойная миниатюра с описанием одного из сражений беков Бабура с отрядами Танбала у крепости Биш-Харан была сделана для разворота рукописи (Кат. 12 и 13). На одном листе художник размещает на переднем плане беспорядочную схватку всадников с копьями, саблями и луками в руках, а на другом листе конные противники бьются врукопашную, используя короткие кинжалы. Увлеченной жестокостью схватки (вскользь упомянутой в тексте) художник отображает все подробности: отрубленные головы, рассеченные надвое тела.

Во второй раз Бабуру удалось овладеть Самаркандом в 906 г.х. (1500–1501). Это далось ему легко: жители не были в восторге от недавно захватившего город узбекского правителя Шейбани-хана и с радостью приветствовали Бабура. В их глазах Бабур был наследником Тимура, а во владении тимуридов город находился непрерывно до тех пор, пока не попал в руки к узбекам. Благодаря поддержке жителей Бабуру удалось захватить город, имея, по его словам, всего двести сорок бойцов. Миниатюра из музейного собрания иллюстрирует следующие слова: *«Войдя в ворота, я направился прямо в медресе и ханаку. По приходе туда я уселся под портиком; едва рассвело, как со всех сторон послышались громкие крики, поднялся шум. Некоторые знатные жители и лавочники, узнав о случившемся, с радостью и восторгом приходили со мной поздороваться, приносили еду и возносили за меня молитвы»*[31] (Кат. 14). Бабур изображен сидящим в военных доспехах и шлеме, вокруг него – воины и жители Самарканда. В пространстве между стеной крепости и городскими воротами мы видим сцену битвы. Очевидно, речь идет о следующих событиях: *«Когда наступило утро, пришло известие, что у ворот Аханин узбеки укрепили пространство между двумя воротами и сражаются. Я сейчас же сел на коня и отправился к воротам Аханин. Со мной было [всего] десять, пятнадцать или двадцать человек…»*[32].

Однако удача оказалась призрачной: довольно скоро Шейбани-хан вернулся и осадил Самарканд. Осада длилась несколько месяцев, и в итоге, заключив мир, Бабур оставил город, взяв с собой только свою мать, еще двух женщин из ее окружения и несколько воинов. Именно в этот момент Ханзаде Биким, визит к которой изображен на первой миниатюре рукописи (см. выше), попала в руки Шейбани-хану и впоследствии стала его женой.

При отступлении из Самарканда Бабур описывает состязание в быстроте езды, которое он устроил с двумя приближенными. Очевидно, это состязание

[30] Там же, с. 56.

[31] Там же, с. 76.

[32] Там же, с. 76.

стало своеобразным способом подбодрить себя в сложных и весьма стесненных обстоятельствах: без армии и без провизии, не имея безопасного укрытия, в тот вечер ради пищи Бабур был вынужден убить одну из своих лошадей. В довершение всех бед во время скачки подпруга его коня ослабла, и, обернувшись, чтобы посмотреть, насколько отстали два других всадника, он упал на землю, сильно ударившись головой, – как описывает сам автор, разум его *«до самого вечера не вернулся к покою»*[33]. Именно этот момент изображен на миниатюре из нашего собрания: Бабур скачет впереди, оторвавшись от преследователей, и оборачивается назад; в руках у всадников видны хлысты (Кат. 15).

После этих событий Бабур отправился к своему дяде по матери Старшему (монгольскому) хану в Ташкент в надежде получить от него в управление какие-нибудь земли. В это время хан выступал в поход против уже известного нам Танбала, и Бабур описывает сопровождающую начало этого мероприятия церемонию: *«По могольскому обычаю распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед Ханом воткнули в землю девять знамен. Один могол привязал к кости из передней ноги быка длинную белую холстину и держал ее в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже кутаса и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой Хан, на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я, а на конец третьей холстины — Султан Мухаммед Ханике. Тот могол, взяв в руки бычью кость с привязанной к ней холстиной, что-то сказал по-могольски, смотря на знамя, потом сделал знак. Хан и все те, кто стоял подле него, принялись кропить кумысом в сторону знамени. Все разом задули в трубы и ударили в барабаны, воины, стоявшие в рядах, как один, испустили боевой клич. Все это проделали три раза, а потом сели на коней и с криками обскакали вокруг лагеря»*[34]. К сожалению, в нашем собрании сохранилась только одна из двух парных миниатюр, посвященная этому событию, на которой отсутствуют изображения главных действующих лиц – Старшего хана и Бабура (Кат. 16). На миниатюре в центре композиции, окруженные со всех сторон ее участниками, изображены два европейца в характерных одеждах: высоких шляпах и коротких

камзолах, с безбородыми лицами. Похоже, что эта неожиданная вставка – знак времени, в которое был выполнен рисунок, когда при дворе Акбара большое внимание уделялось европейской культуре и европейские сюжеты и персонажи стали часто встречаться в живописи.

По словам самого Бабура, во время пребывания в Ташкенте ему пришлось испытать *«большие лишения и унижения»*: земель во владение он не получил и верные люди по одному оставляли его. Он совсем было решился уехать во владения другого своего дяди, именуемого Младшим ханом, и даже испросил на это разрешение. Однако выяснилось, что Младший хан сам приезжает в Ташкент. Бабур выехал ему навстречу и случайно застал родственника врасплох: тот только что встал лагерем и не был готов к торжественной встрече. Тем не менее он тут же велел своим сыновьям, двоюродным братьям Бабура, *«поздороваться... преклонив колени»*. Этот момент отображен на миниатюре: монгольские принцы, которым в тот момент было, по словам Бабура, *«лет тринадцать-четырнадцать»*, изображены как взрослый усатый мужчина и старик с сединой в бороде (Кат. 17). Несмотря на такое несоответствие, текст, сопровождающий миниатюру, не оставляет сомнений в том, что изображены именно описываемые события.

Тем временем силы Шейбани-хана, утвердившегося в Самарканде, возрастали, и Старший хан передал родовые земли Бабура, едва отбитые у Танбала, в управление Младшему хану в надежде, что тот сможет их удержать. Это решение ранило Бабура. Слабым утешением стало обещание отдать

[33] Там же, с. 83.
[34] Там же, с. 86.

ему области к северу от Ахси[35], а в перспективе – и Самарканд. В надежде перетянуть на свою сторону утвердившегося в Ахси и оставшегося на стороне злополучного Танбала Шейха Баязида, Бабур отправился в этот город, где остановился в родовых домах своего отца. В этот момент к нему приехал Джехангир мирза, его младший брат, который стал уговаривать Бабура пленить Шейха Баязида и захватить город для себя. Он застал Бабура в бане – неудивительно, что столь близкого родственника Бабур смог принять сразу, без лишних церемоний. Их встреча изображена на миниатюре: босой Бабур в накинутом на голый торс халате сердечно обнимает склонившегося перед ним брата (Кат. 18). Бабур не склонен был предпринимать какие-либо действия против Шейха Баязида, тем более что силы последнего значительно превосходили силы Бабура. Однако из-за недопонимания по знаку Джехангира мирзы Шейх Баязид был схвачен. Завязалась схватка между защитниками крепости, которых было около двух тысяч человек, и двумя сотнями людей Бабура, в ходе которой сам Джехангир мирза бежал. Бабур в сопровождении оставшихся с ним людей также бежал из города. Его преследовали воины Шейха Баязида до тех пор, пока с Бабуром не осталось всего восемь всадников. Один из сопровождавших по имени Хан Кули предложил Бабуру своего коня, который был более выносливым и меньше устал. После состоявшегося обмена сам Хан Кули отстал и был настигнут преследователями. На миниатюре изображен эпизод с переменой коня: Хан Кули берет под уздцы коня Бабура и предлагает ему своего, следующие на ними двое всадников указывают на виднеющихся за скалами преследователей (Кат. 19).

Бабур не любил Хосров-шаха, одного из местных правителей-беков, и отзывался о нем в нелестных выражениях: тот был, по его мнению, *«человек нечистый, развратный, тупой, без понятия, вероломный и неблагодарный»*. При этом он был славен своей щедростью, обладал большим войском и богатствами, сумел подчинить обширные земли, и теперь свои надежды Бабур возлагал на него. Но обстоятельства опять переменились: Шейбани-хан взял Андижан и выдвинулся в сторону владений Хосров-шаха. Многие воины последнего не замедлили переметнуться к Бабуру, а сам Хосров-шах выбирал между бегством в Кандагар и присоединением к Бабуру. В итоге, сговорившись с Бабуром об условиях сделки, он прибыл к нему сам вслед за большей частью своего войска, уже перешедшего в подчинение Бабуру. Бабур описывает их встречу так: *«С другой стороны прибыл Хусрау шах в сопровождении множества нарядно и пышно одетых людей. Согласно обряду и уставу, он еще вдалеке спешился и подошел ко мне. Здороваясь, Хусрау шах преклонил колени три раза, отходя назад — тоже три раза; осведомляясь о здоровье и поднося подарки, он опять встал на колени один раз. Перед Джехангир мирзой и Мирза ханом он тоже преклонил колени. Таким образом, этот старый, толстый человечишко, который столько лет делал, что хотел, и из всех отличий царской власти только хутбы не читал от своего имени, двадцать пять-двадцать шесть раз подряд преклонял колени и ходил передо мной туда и назад. Он так устал, что едва не упал совсем. Несколько лет бекства и султанства совершенно слетели у него с носа»*[36]. На миниатюре, иллюстрирующей это событие, в центре композиции на большом камне, укрытом ковром, под раскидистым чина-

[35] Руины этого города, когда-то бывшего резиденцией отца Бабура, расположены на месте городища Ахсикет на правом берегу Сырдарьи, на территории современной Наманганской области Узбекистана.

[36] «Бабур-наме», с. 103.

ром восседает Бабур, дружески протягивая руки Хосров-шаху, склонившему голову перед ним и вставшему на одно колено (Кат. 20).

В сложившихся обстоятельствах, когда Шейбани-хан овладел практически всеми землями, на которые претендовал Бабур, ему не осталось ничего другого, как направить свои стопы южнее, в Кабул. Это оказалось верным решением: как сам он пишет, *«Аллах великий по своей милости и великодушию без боя и сражения подчинил и отдал мне царство и область Кабула и Газни»*[37]. Бабуру очень понравился Кабул и климатом, и природой. Он с удовольствием описывает две деревни на склоне близлежащей горы, которые, по преданию, так нравились Улугбеку (1394–1449), внуку Тимура, что он называл их Хорасан и Самарканд. Для Бабура лучшей рекомендации было не придумать. В одной из соседних деревень, Пагмане, был сад, *«который Улуг бек мирза силой отнял у его хозяина. Я уплатил владельцам стоимость этого сада и приобрел его. Перед садом растут большие чинары; под чинарами тянется зеленая, приятная, тенистая лужайка. Посреди сада постоянно течет ручей, достаточный для одной мельницы, на берегах этого арыка растут чинары и другие деревья. Я приказал его выровнять и выпрямить; очень хорошее получилось место»*[38]. Бабур, наблюдающий за работами в этом саду, изображен на миниатюре из музейного собрания (Кат. 21). Правитель стоит перед молодым деревцем и с интересом разглядывает его листья. Это отсылает нас к подробным описаниям растений, произрастающих в этом регионе, которые мы находим в «Бабур-наме». Перед Бабуром двое рабочих с помощью веревки проверяют, насколько ровным получилось новое русло, за ними изображен садовник с мотыгой.

Часть 913 г.х. (1507–1508) года Бабур провел в Хорасане. На одной из миниатюр нашего собрания изображена пирушка в доме Музаффар мирзы в Герате: *«На возвышении с северной стороны положили две подушки, одну напротив другой; подушки были обращены к северу. На одну подушку сели мы — Музаффар мирза и я, на другую подушку уселись Султан Мас'уд мирза и Джехангир мирза. Так как мы были гостями в доме Музаффар мирзы, то Музаффар мирза посадил меня выше себя. Кравчие наполнили чаши наслаждения и начали подносить их присутствующим, расхаживая между ними, а присутствующие глотали процеженные вина, словно живую воду»* (Кат. 23). Бабур до сего момента не пробовал вина, но роскошные яства и напитки стола Музаффар мирзы натолкнули его на размышления о том, не стоит ли попробовать и это удовольствие: *«Хотя сердце мое и было к этому склонно, но мне трудно было по собственному почину начать такое дело, которого я раньше не делал. [И вот, теперь] мне пришло на ум, что если уже меня так заставляют и к тому же мы прибыли в такой великолепный город, как Герат, где полностью собраны и приготовлены все средства развлечения и удовольствия и имеются налицо все принадлежности и предметы роскоши и наслаждения, то когда же мне выпить, если не сейчас»*[39]. В тот день Бабур пробовать вино все же не решился. Он сделал это позже и затем значительную часть жизни посвятил попыткам отказаться от этой привычки. А вот при дворе Акбара винопитие уже было для многих, в том числе и для наследных принцев, серьезной проблемой. Одним словом, с тем, как организовать добрую пирушку, художники акбаровских китабхане были знакомы не понаслышке. На миниатюре Бабур восседает выше всех остальных, а перед ним во множестве стоят блюда с разнообразной едой: можно различить желтые персики и рис. Чуть ниже за оградой в большом котле варится мясо. Со всех сторон спешат слуги с сосудами сурахи для вина в руках.

[37] Там же, с. 106.

[38] Там же, с. 112.

[39] Там же, с. 151.

На другой миниатюре изображен еще один из множества описанных Бабуром кутежей, проходивший в доме Бади аз-Заман мирзы (Кат. 24). Здесь мы видим не менее богатый стол и гостей, которые едят кто руками, кто ложкой из драгоценного бело-синего китайского фарфора. Во время этого застолья Бабур столкнулся с трудной ситуацией: подали гуся, которого он не умел разделывать. «На этой пирушке передо мной поставили жареного гуся. Так как я еще никогда не разрезал и не разнимал птиц, то не дотронулся до гуся. Бади' аз-Заман мирза спросил: *«Почему вам не хочется?». Я ответил: «Не умею разделывать». Бади' аз-Заман тотчас же разрезал и размял лежащего передо мной гуся и подал его мне; в такого рода делах Бади' аз-Заман мирза был человек бесподобный»*[40].

В конце 912 г.х. (1506–1507) Шейбани-хан повел свое войско из Самарканда в надежде захватить Хорасан. Его всячески *«подстрекал поскорее выступить»* Шах Мансур Бахши, которого Бабур называет не иначе как «*этот мужеложец и неблагодарный человек*»[41]. Этот период в нашей рукописи проиллюстрирован эпизодом на миниатюре, которая, вероятно, некогда была частью композиции из двух, располагавшихся на развороте (Кат. 27). Здесь изображен момент нападения «лихих узбеков» на посланников упомянутого выше Шаха Мансура в 913 г.х. (1507–1508), которых тот посылал к Шейбани-хану, пытаясь добиться его расположения. Посланники изображены нагруженные дарами и пешие, на них нападают вооруженные всадники. Примечательно, что среди посланников виден европеец, возможно, славянин – об этом говорят русые кудри и характерные черты лица.

Во время нападения Шейбани-хана на Хорасан двое правителей Кандагара, братья Шах-бек и Мухаммед Муким Аргуны, призывали Бабура на помощь, выражая готовность служить ему. Однако, когда он отправился в сторону Хорасана, они сделали вид, что этого не было, и выразили готовность служить Шейбани-хану, чем очень разозлили нашего героя. Между Бабуром и братьями произошел бой: у него было чуть больше тысячи воинов, на стороне Аргунов по его оценкам – около пяти-шести тысяч. Во время битвы туркмен Пири-бек и несколько его братьев перешли на сторону Бабура, что в данном

контексте может рассматриваться как признание его последним из принцев дома Тимуридов, в чьих руках в это смутное время еще оставалась власть. Этот важный для генеалогической составляющей «Бабур-наме» эпизод, который в тексте упомянут мимолетно, изображен на одной из миниатюр рукописи (Кат. 28). Братья Пири-бека и он сам снимают головные уборы и протягивают их конному Бабуру в знак признания его власти.

Бабур взял Кандагар и в этом городе, а также в лагере разбитых Шах-бека и Мухаммеда Мукима захватил богатую добычу. Ее дележ показан на одной из миниатюр нашей рукописи (Кат. 29). Однако буквально через несколько дней после ухода Бабура из города Шейбани-хан осадил Кандагар. Враг был слишком силен, и довольно быстро стало понятно, что не только в Кандагаре, но и в Кабуле Бабуру долго не удержаться. Тем не менее обстоятельства для Бабура сложились удачно: как только он решил переместиться в Хиндустан, Шейбани-хан снял осаду с Кандагара и ушел обратно в свои среднеазиатские владения. Бабур вернулся в Кабул. Хоть это и не было следствием победы в битве, все-таки ему удалось сохранить свои владения. *«До той поры потомки Тимура, хотя я обладал царской властью, называли меня "мирза". Теперь я приказал величать себя падишахом»*[42], – пишет он.

В «Бабур-наме» есть значительная лакуна: события с 914 (1508–1509) по 925 г.х. (1519–1520) не описаны, а 925 г.х. начинается с описания штурма крепости Баджаур (она находится на территории современного Пакистана, к северу от Пешавара). Отметим, что в период завоевательных походов значительное преимущество войскам Бабура давало использование огнестрельного оружия. Во многом благодаря именно этому превосходству

[40] Там же, с. 152.
[41] Там же, с. 162.
[42] Там же, с. 170

над воинством местных правителей впоследствии Бабуру сравнительно легко удалось подчинить земли Делийского султаната. При описании осады Баджаура приведены интересные наблюдения: *«Баджаурцы никогда еще не видали ружей и потому совершенно не опасались их; больше того, слыша ружейные выстрелы, они становились напротив стрелков и делали, издеваясь, всякие непристойные движения. В тот день Устад Али Кули застрелил из ружья пять человек, Вали Хазиначи уложил двоих. Другие ружейники тоже проявили в стрельбе большую лихость; простреливая щиты, кольчуги и палицы, они сбивали врагов одного за другим»*[43]. Взятие Баджаура изображено на миниатюре из нашего собрания довольно подробно: мы видим воинов Бабура, которые бьются на стенах крепости и через обрушившуюся стену проникают внутрь (Кат. 30). Сам Бабур верхом на коне движением руки указывает своим воинам направление к крепостным воротам. Это было время «собирания земель» для Бабура, что сопровождалось множеством мелких стычек, осад и захватов небольших крепостей и городов. Многие спешили выразить свою покорность заранее, и Бабур описывает такие случаи, происходившие один за другим. В отображенном на нашей миниатюре эпизоде жители Нилаба привели Бабуру в подарок снаряженного коня и деньги (Кат. 31).

События этого же года изображены на миниатюре с возвращением Бабура в лагерь после ночного пира на реке (Кат. 32). Это один из немногих случаев, когда в одной композиции мы видим два разновременных эпизода. В период, о котором идет речь, Бабур вел весьма невоздержанную жизнь, и веселые пирушки иногда начинались прямо с утра. Бабур пишет об этом весьма откровенно: *«В час полуденной молитвы я выехал на прогулку, сел в лодку и мы пили арак. Мы пили в лодке до самой молитвы перед сном. В час молитвы мы вышли пьяные через край; я вскочил на коня, схватил в руку факел и скакал во весь опор от берега реки до самого лагеря, качаясь на лошади из стороны в сторону. Я был здорово пьян, и когда мне на следующее утро рассказали, как я примчался в лагерь с факелом в руке, я совершенно ничего не мог вспомнить. Когда я пришел в палатку, меня сильно вырвало»*[44]. В верхней части композиции мы видим конного Бабура с факелом в руке, а ниже, в лодке, на него с изумлением смотрят лодочники. Конная дама рядом с Бабуром описана в рассказе о другой попойке, произошедшей через несколько месяцев после эпизода с факелом. Женщины в то время не участвовали в мужских пирушках, поэтому описанный Бабуром эпизод смело можно воспринимать как нечто выходящее из ряда вон: *«Турди бек сказал: "Бул-бул Анике хочется выпить с вами вина". "Я никогда не видел, как пьют женщины, — ответил я. — Позови ее на пирушку". Еще мы пригласили каландара по имени Шахи и одного копателя каризов, который играл на рубабе. До самой вечерней молитвы мы сидели на пригорке за каризом Турди бека и пили; потом я пошел к Турди беку в дом и при свете свечи пил до ночной молитвы. Хорошая то была пирушка! Без подвоха и обмана! Я прилег, а остальные участники пирушки пошли в другой дом и пили, пока не пробили зорю. Бул-бул Анике пришла и вела себя со мной очень вольно; в конце концов я притворился мертвецки пьяным и избавился от нее»*[45]. О том, что это за дама со столь вольными представлениями и поведением и как она оказалась в окружении Бабура, текст «Бабур-наме», к сожалению, ничего не сообщает.

В том же 925 г.х. (1518–1519), во время плавания по реке Пенджхир, плот Бабура сначала ударился о выступ горы, а чуть погодя – о корягу и начал тонуть. Бабур с сожалением отмечает, что в воду упали *«фарфоровая пиала, ложка и бубен»*, а кроме того, некоторые из его спутников. На миниа-

[43] Там же, с. 171.
[44] Там же, с. 180.
[45] Там же, с. 194.

тюре Бабур сидит в центре плота, держа в руках пиалу, а упавшая за борт другая пиала хорошо видна в нижней части композиции. В беспокойных водах вокруг плещутся рыбы. Несколько полуобнаженных мужчин, находясь в воде, управляют плотом, который держится на плаву благодаря накачанным воздухом мехам. Один из спутников Бабура – судя по тексту, это Мирза Кули – в халате плывет в сторону берега (Кат. 33).

В «Бабур-наме» 926 г.х. (1519–1520) описан очень скупо, а события с 926 по 932 г.х. (1519–1520 – – 1525–1526) не отражены вовсе. В последующие годы Бабур часто упоминает в тексте своего подросшего сына Хумаюна (1508–1556). Впервые он появляется в нашей рукописи на миниатюре, где изображено его выступление в поход в 932 г.х. (1525–1526) против Хамид-хана (Кат. 34). Хумаюну, второму падишаху могольской династии и отцу Акбара, здесь 18 лет. Он изображен в полном вооружении – в доспехах, с луком и стрелой в руках, с саблей и индийским катаром за поясом. Победа в этот раз далась ему довольно легко: посланный вперед отряд практически полностью сломил сопротивление противника и принцу самому не пришлось участвовать в битве. Однако тот факт, что первый самостоятельный военный поход Хумаюна был успешным, имел для Бабура, конечно, важное значение: *«Это было первое выдающееся дело и первый поход Хумаюна; оно явилось прекрасным предзнаменованием на будущее»*[46].

В этот период начинается завоевание Бабуром Хиндустана – 21 апреля 1526 г. (29 Джумада ас-сани 932 г.х.) состоялась знаменитая битва при Панипате между Бабуром и делийским султаном Ибрахим-шахом Лоди, победа в которой стала переломным моментом в завоевании Северной Индии. Силы противника численно превосходили армию Бабура, однако тот имел уже опыт применения огнестрельного оружия и артиллерии, что дало ему значительное преимущество. К тому же Бабуру удалось напугать слонов Лоди, которые в смятении нанесли собственным войскам большой урон: «*Великий господь, по своей милости и благоволению, сделал легким для нас это трудное дело: столь многочисленное войско он в полдня сравнял с землей... Потом, когда мы прибыли в Агру, то из рассказов жителей Хиндустана стало известно, что в этой битве было убито сорок-пятьдесят тысяч человек*»[47]. Бабур был очень доволен: *«с девятьсот десятого года, когда был покорен Кабул, и до этого времени я всегда мечтал завладеть Хиндустаном»*[48]. Он с интересом осмотрел укрепления Дели и Туглакабада, а затем отправился в Агру, где его уже ждал Хумаюн, охранявший от разграбления казну Лоди. На миниатюре с изображением вступления Бабура в Агру мы узнаем стены знаменитого Красного форта, выполненные из красного песчаника в сочетании с белым мрамором небольших куполов *чхатри* – характерный колорит раннемогольской архитектуры. Известно, что форт Агры начали строить только в 972 г.х. (1565) по приказу Акбара, и до этого в городе не было серьезных укреплений, так что Бабур въезжает в стены крепости, построенной его внуком. Правитель представлен в центре композиции: в желтом халате он восседает на вздыбленном коне, вокруг палками разгоняют любопытствующую толпу местных жителей, и те преклоняют колени, почтительно дотрагиваясь до своих тюрбанов правой рукой (Кат. 35).

Одна из самых выразительных по композиции и тонкому колориту – сцена пира, устроенного Бабуром по случаю победы (Кат. 52). *«В личном дворце Султан Ибрахима, в среднем айване с каменными*

[46] Там же, с. 206.

[47] Там же, с. 209.

[48] Там же, с. 211.

колоннами и куполом мы устроили большой пир. Хумаюну было пожаловано расшитое платье, сабля на поясе и конь под золотым седлом; Чин Тимур султан, Махди ходжа и Мухаммед султан мирза тоже получили почетные одежды, сабли на поясе и поясные кинжалы. Другим бекам и йигитам, смотря по положению каждого, были пожалованы сабли на поясе, поясные кинжалы и почетные одежды»[49]. Бабур восседает на троне в центре, за его спиной полукругом расположились приближенные, слева по одному, склоняя голову и прикладывая руку к тюрбану, подходят одариваемые. Внизу мы видим музыкантов, играющих на различных инструментах, а на расположенный перед ними низкий столик слуга подносит вино в высоком сосуде сурахи.

В Индии Бабур не оставлял своей страсти к благоустройству садов и красивых природных мест, тем более что земля Хиндустана в сравнении с Кандагаром или Ферганской долиной казалась ему непривлекательной. Так, один из приближенных расхваливал Бабуру источник, мимо которого проходило его войско. Источник, по мнению Бабура, был неплох: *«В Хиндустане, где почти нет проточной воды, нечего искать источников; те немногие источники, что там есть, сочатся из земли струйкой, а не бьют ключом, как в наших краях»*[50]. Вокруг были луга. Местность Бабуру понравилась, и он приказал построить здесь восьмиугольный хауз из тесаного камня. Повествующий об этом событии текст находится на обороте миниатюры, где изображен не *хауз*, а восьмиугольный помост с шатром посреди небольшого озера с рыбой и водяными лилиями (Кат. 53). Конный Бабур любуется этим, без сомнения, впечатляющим сооружением. Судя по всему, здесь мы видим восьмиугольную суфу, которую Бабур повелел построить посреди озера в Сикри. Это место ему очень нравилось благодаря обилию в нем воды: *суфу*, шатер над ней, воздвигнутые по его приказу, и проводимые в этом месте пиры Бабур упоминает несколько раз.

Захват индусских городов и крепостей Бабур, по его собственным словам, рассматривал как *«священную войну»* и с немусульманским населением часто обращались весьма безжалостно. С другой стороны, раджпуты, с которыми пришлось здесь столкнуться Бабуру, имели собственные традиции ведения бояи бескомпромиссный кодекс чести, связанный с понятием ритуального долга. В случае грядущего неизбежного поражения раджпутские женщины жертвовали своей жизнью до боя, чтобы дать возможность сыновьям и мужьям драться без оглядки и быть уверенными, что их честь не пострадает. Для мужчин же единственно приемлемой считалась смерть от клинка. Ситуация именно такого, безнадежного для раджпутских защитников крепости боя описана Бабуром в связи с взятием крепости Чандери: *«Через короткое время язычники, совершенно обнаженные, снова выбежали и начали драться; многих [наших] людей они обратили в бегство и сбросили со стены; а несколько человек зарубили насмерть и погубили. Причина, почему они так быстро ушли со стены, была, как говорят, такова: решив, что крепость придется сдать, они изрубили насмерть своих женщин и красивых [девушек] и, избрав для себя смерть, обнажились и рину-*

[49] Там же, с. 231.
[50] Там же, с. 255.

лись в бой. В конце концов мои люди напали на них со всех сторон и сбросили со стены. Двести или триста нечестивых вошли во двор Мидини Рао; многие из них поубивали друг друга следующим образом: один стоял с мечом в руках, а прочие один за другим добровольно подставляли шеи под удар. Большинство их таким способом отправилось в ад»[51]. На миниатюре изображен момент, когда нападающие врываются в крепость. Раджпуты с непокрытыми головами и в одних набедренных повязках умерщвляют друг друга, женщины в левой части форта почти все уже мертвы, а немногочисленные защитники крепости еще сражаются в пространстве между первыми вторыми воротами (Кат. 54).

Крепость Гвалиор с 925 г.х. (1518–1519) была в руках Лоди, а после 932 г.х. (1525–1526) перешла в руки Бабура. Он лично побывал там в 935 г.х. (1528–1529) и оставил в «Бабур-наме» весьма подробные описания этой поездки. Так, он въехал в крепость через знаменитые ворота Хатхи-пол, которые существуют и поныне. Именно этот момент запечатлен на миниатюре из нашего собрания (Кат. 55). Правда, саму крепость, имеющую весьма характерные очертания и широкий подъем к воротам, узнать непросто – по-видимому, с этим сооружением художник знаком не был. Зато он обозначил местность вокруг крепости как населенную индусами, изобразив трех спустившихся к колодцу индусских девушек. У них традиционные наряды, непокрытая голова, а одна из них и вовсе изображена с обнаженным торсом. На переднем плане мы видим озеро с птицами и водяными лилиями: *«Под наружной стеной вне крепости находится большое озеро; оно часто мелеет и высыхает. Вода из него проходит в водопровод»*[52].

Теперь владения Бабура были весьма обширны и требовали его постоянных перемещений с целью установления контроля над новыми областями и усмирения очагов сопротивления. Проиллюстрированное на одной из музейных миниатюр событие – пир Бабура во дворце Султана Джалал ад-Дина в Карре – лишь одна из множества бесчисленных встреч падишаха с вассальными правителями (Кат. 56). В своих воспоминаниях он не уделяет ей особого значения: *«В пятницу я прибыл в дом Джалал ад-дина, находящийся в крепости Карра. Он оказал мне гостеприимство и подал кое-какую еду и кушанья. После трапезы я облачил его самого и его сыновей в кафтан и куртку без подкладки и полукафтанье. По желанию Султан Джалал ад-дина его старший сын получил титул Султан Махмуда»*[53]. Пир на миниатюре изображен богатый: перед Бабуром поставлено множество металлических и фарфоровых блюд с угощением, коленопреклоненный виночерпий подает ему чашу с вином, напротив почтительно склонились сам Джалал ад-Дин и его сын.

Одна из миниатюр в нашем собрании не была закончена: лодки и речные обитатели, изображенные на ней, не были расцвечены (Кат. 57). Здесь описано удивительное событие, случившееся с Бабуром на Ганге, когда он приказал связать все свои лодки и вдруг среди них показался *гавиал*. Испуганная появлением хищника рыба подпрыгнула так высоко, что очутилась в одной из лодок. На миниатюре мы видим, как на нее с изумлением смотрит сидящий в большой лодке Бабур, а лодочники в удивлении указывают на рыбу пальцами.

Отдельно необходимо упомянуть сюжеты, связанные с охотой, столь горячо любимой падишахом в относительно мирное акбаровское время. Характерный эпизод, который традиционно помещается на обеих страницах разворота в разных списках «Бабур-наме», – охота Бабура в долине Каттаваза (Кат. 25, 26). Здесь изображена знаменитая *камарга́*,

[51] Там же, с. 259.

[52] Там же, с. 264.

[53] Там же, с. 279.

большая шахская загонная охота. Для ее организации необходимо большое количество людей, и в акбаровское время охота превратилась в мероприятие, напоминающее своего рода военно-полевые учения с участием армии. В охотничьих угодьях формируется огороженный участок радиусом в несколько десятков километров. Затем в течение нескольких дней заграждения переставляются, уменьшая площадь выделенного пространства и соответственно значительно увеличивая в нем концентрацию диких животных. Кульминацией охоты является единоборство правителя с животными, причем для этого используется специальное охотничье оружие – удлиненная сабля *шамшир шикаргар*. После окончания охоты падишаха приходила очередь приближенных.

Бабур так описывает это событие: *«Выступив рано утром с этой стоянки, мы устроили в равнине Каттаваза облаву, чтобы поохотиться. В круг попало множество куланов и кииков. Много кииков и куланов перебили. Во время охоты я погнался за куланом: подскакав близко, я пустил стрелу, за нею — еще одну, но эти две раны не свалили кулана с ног, только бег его после ранения стал тише, чем прежде. Пришпорив коня, я подскакал к кулану вплотную и так ударил его по шее за ушами, что рассек ему гортань. Кулан подскочил и так перекувыркнулся, что чуть не зацепил задними ногами за мои стремена. Моя сабля рубила очень хорошо. Удивительно жирный кулан! Ребра у него были немного меньше пяди длиной. Ширим Тагай и еще некоторые люди, которые видели куланов в Моголистане, удивлялись и говорили: "Даже в Моголистане мы редко видели таких жирных зверей"»*[54].

Растения и животные в «Бабур-наме» отображены двояко. Одни описаны автором весьма подробно и те из них, которые были хорошо знакомы художникам акбаровского времени, изображены очень точно, другие же больше напоминают фантастических животных. Бабура как уроженца Средней Азии интересовали животные, которые не водятся в его родных местах. Так, например, он подробно описывает слона, уделяя особое внимание его физиологии и рациону. Для индийцев слон не был чем-то удивительным и необычным, и его изображения, очень точные и физиологически верные, мы находим на множестве миниатюр с самыми разными сюжетами. Правда, в отличие от носорога или крокодила слон на иллюстрациях к «Бабур-наме» нигде не изображен отдельно.

Значительное внимание уделено изображениям копытных животных, особенно тех, на которых охотились могольские правители. Так, на обеих сторонах одной из двусторонних миниатюр изображены антилопы *гарна* – их легко узнать по окрасу шкуры и длинным витым рогам (Кат. 37). Вот что пишет об этих животных Бабур: *«Есть еще в Хиндустане и киик, похожий на хуна — самца джейрана. Спина у него черная, брюхо — белое, рога длиннее, чем у хуна, и более ветвистые. Хиндустанцы называют его калахара; первоначально говорили: калахаран, то есть «черный олень», потом это слово сократили и стали говорить калахара. Самка этого оленя белая. При помощи калахара ловят оленей. К рогам калахара прикрепляют круглые силки, а к ноге подвешивают камень размером больше лодыжки, чтобы, когда олень поймается, калахара не мог далеко уйти. Увидав дикого оленя, калахара ставят перед ним. Дикий олень очень драчлив; он тотчас же выходит на бой, и олени начинают драться и бодаться. Когда они ходят взад и вперед, то рога дикого оленя застревают в сети, прикрепленной к рогам ручного оленя. Дикий олень старается убежать, но ручной олень не убегает - вероятно, ему мешает камень, привязанный к ногам. Таким образом, ловят много оленей и, поймав, приручают, чтобы ловить других оленей. Ручных оленей сводят во дворах для боев; они хорошо дерутся»*[55]. На этом листе с одной стороны изображено семейство гарн: черный самец и в соответствии с описанием Бабура самки и детеныши с очень светлой шкурой. С другой – мы видим упомянутый выше способ ловли диких антилоп: два самца накрепко сцепились рогами (при детальном рассмотрении видна удерживающая их веревка), к передней ноге левого самца привязан камень.

[54] Там же, с. 161.

[55] Там же, с. 216.

С большой любовью и вниманием изображены на миниатюрах «Бабур-наме» птицы. Таких рисунков довольно много, но особое внимание хочется уделить композиции «Ловля птиц сетью в окрестностях Кабула» (Кат. 22). *«Через этот перевал Кура улетают птицы ранней весной. Жители местности Пичган, зависящей от Ниджрау, ловят на этом перевале много птиц. У выхода с перевала они там и сям устраивают укрытия из камня, птицеловы садятся за эти укрытия и укрепляют конец сети в пяти-шести кари от укрытия. Одну сторону сети прижимают камнем к земле, другую сторону до половины сети, то есть в три-четыре кари длиной, привязывают к палке. Один конец палки держит в руке человек, сидящий в укрытии; через отверстия в укрытии он высматривает птиц. Когда птицы приближаются, сеть тотчас же поднимают и птицы сами залетают туда; таким способом ловят много птиц, и их даже не успевают убивать»*[56]. На упомянутой миниатюре способ ловли птиц, незнакомый художнику и не вполне им понятый, становится лишь поводом для изображения многообразия мира перелетных птиц Северной Индии. Особенности окраса оперения, да и сам вид птиц, показаны удивительно точно: мы легко узнаем удодов с характерным хохолком на голове (пара этих птиц показана в центре композиции), за ними – горлица изящно изогнула шею в характерном движении, чуть выше – узнаваемый округлый силуэт куропатки с маленькой головой и короткой шеей, внизу распахнула крылья с нарядными синим узором бенгальская сизоворонка, а сверху расправила крылья белая цапля. Все это и в самом деле перелетные птицы, но ни одна из них не упомянута в «Бабур-наме» – художник сам выбрал знакомых ему пернатых.

Среди птиц на наших миниатюрах есть шарак, или майна обыкновенная (ее также называют саранчовый скворец) (Кат. 39). Майна очень хороший пересмешник, и это качество птицы отмечает Бабур: *«У шараков этого вида голова черная, крылья — пестрые, туловище немного больше и уже, чем у скворца. Шараков можно научить говорить»*[57]. Вместе с горными козлами изображен серый турач – разновидность фазана, которая водится в Северной Индии (Кат. 40 a). Бабур описывает несколько подвидов этой птицы, а разные виды фазанов и куропаток встречаются в рукописи несколько раз (Кат. 40 б; 41 a).

Изображения обитателей рек Индии потребовало от художников гораздо большей фантазии и изобретательности. Обыкновенные рыбы встречаются в иллюстрациях во множестве, но вот гангскому дельфину, которого Бабур называет *«водяной свиньей»*, уделено особое внимание: *«Еще одно хиндустанское животное — водяная свинья. Она тоже водится во всех реках Хиндустана. Водяная свинья разом высовывается из воды, голова ее то показывается, то скрывается и наконец погружается в воду, а хвост виднеется из воды. Морда у водяной свиньи длинная, как у сипсара, зубы у нее тоже мелкие, рядами; в остальном голова и тело такое же, как у рыбы. Водяная свинья, играющая в воде, похожа на бурдюк. Когда водяные свиньи играют в реке Сару, они чуть не выскакивают из воды. Как и рыба, водяная свинья никогда не выходит из воды совсем»*[58].

Несколько раз на миниатюрах рукописи встречаются крокодилы. В Индии водятся три их разновидности – *гавиал, магер* и гребнистый крокодил. Гавиала легко идентифицировать по крупной шишке на длинном и узком рыле (Кат. 42 b), а вот другой тип крокодила вызывает вопросы – по описанию Бабура трудно понять, идет ли речь о гребнистом крокодиле или о *магере*: *«он живет в стоячих во-*

[56] Там же, с. 115.

[57] Там же, с. 216.

[58] Там же, с. 220.

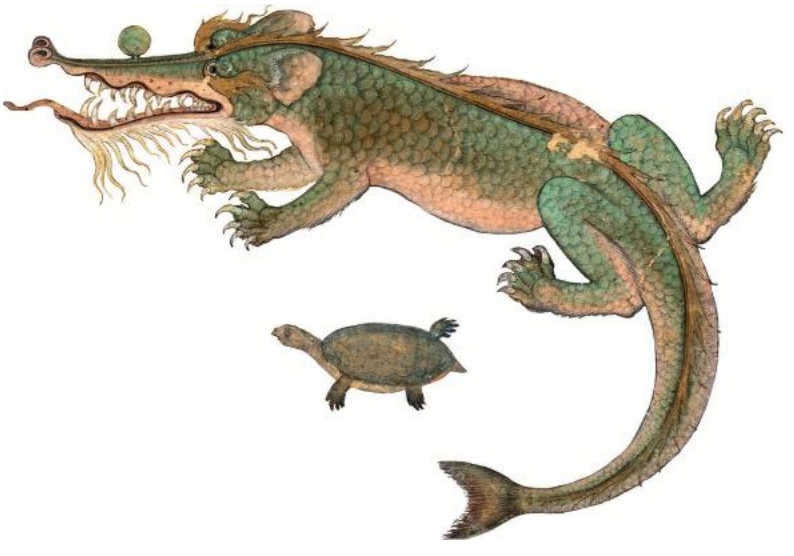

дах и похож на ящера»[59]. Художники, судя по всему, за вдохновением в этом вопросе обратились не к натуре, а к многочисленным изображениям китайских драконов, хорошо известным при могольском дворе благодаря широко бытовавшему там импортному китайскому расписному фарфору. От драконов могольские крокодилы получили раскидистые «брови», крупные треугольные уши, клыки и длинные развевающиеся красные усы, а также зубчатый гребень, спускающийся по спине к рыбьему хвосту (Кат. 42 а).

В замешательство художников акбаровской *китабхане* привело описание рыбы *какка*, не похожей ни на одно известное им животное: *«Рыба какка — другой хиндустанский водяной зверь. Против жабер у него торчат две кости, пальца в три длиной. Когда его поймают, он шевелит этими костями и слышится странный звук; вероятно, поэтому его и назвали какка»*[60]. На первый взгляд речь идет о крабах, однако крабы имеют кроме двух передних клешней, которые можно принять за кости, и несколько похожего образа ног. Один такой краб изображен на миниатюре с гавиалом. Рыба какка же удостоилась отдельного листа – на нем изображены две рыбы, одна из которых снабжена небольшими симпатичными рогами и, вероятно, по аналогии с антилопами художник счел их характерной особенностью самца (Кат. 43 а).

Изображения в иллюстрациях к рукописям «Бабур-наме» многочисленных и весьма разнообразных растений Индии, так же как ее животных и птиц, – новаторский и уникальный в своем роде прием. Эти первые обращения к «ботанической живописи» получили дальнейшее развитие в эпоху Джахангира, когда художники фокусируются на портретных изображениях падишаха и его приближенных, на точных с биологической точки зрения изображениях животных и растений, формируя таким образом новый в индийской живописи жанр. Именно «Бабур-наме» делает первые шаги на этом пути.

Пожалуй, в интересе к проявлениям окружающей жизни и природы, в страсти к экспериментам и попыткам подтверждения научных теорий ближе всех к Бабуру оказывается его правнук, сын Акбара падишах Джахангир. Все могольские правители оставили после себя хроники, но только Бабур и Джахангир вели дневник собственноручно. Благодаря этому мы остро чувствуем детали, которые привлекали особенный интерес этих неординарных людей, можем сравнить описания животных и их повадок, которым в обоих дневниках уделено значительное место. Правда, воспоминания Джахангира известны меньше, чем воспоминания его предка. Так сложилось во многом потому, что «Бабур-наме» является уникальным памятником именно для своего времени, сложного и неспокойного, от которого осталось слишком мало документов, и «Бабур-наме» дает очень обширный и важный фактический материал. А еще иллюстрации этой рукописи дарят нам удивительную возможность заглянуть на пятьсот лет в прошлое, в удивительные времена, когда царства завоевывали мечом, а на память о себе разбивали роскошные сады. В одном из своих любимых садов и завещал похоронить себя Бабур, прося только об одном – чтобы над его могилой вместо крыши всегда оставалось бескрайнее небо.

[59] Там же, с. 220.

60 Там же, с. 220.

КРАТКИЙ ГЛОССАРИЙ

азан – призыв к молитве в установленное время

арак – водка

бек – тюркский титул или звание, здесь – обозначение мелких местных правителей

васли – толстая бумага, состоящая из нескольких склеенных вместе листов

визирь – титул министра или чиновника высшего ранга

гавиал – гангский гавиал, вид крупных пресмыкающихся из отряда крокодилов

гарна – винторогая антилопа

камарга́ – большая шахская загонная охота

йигит – удалец, молодец

кари – мера длины (около 60 см)

катар – тип индийского кинжала

китабхане – библиотека-мастерская, где рукописи не только хранились, но и изготавливались, т.е. переписывались и иллюстрировались

кутас – горный бык, а также хвост этого животного, прикрепленный к знамени (бунчуку)

магер – болотный крокодил

медресе – высшее мусульманское духовное училище

минбар – кафедра в мечети, с которой произносится проповедь

михраб – ниша в стене мечети, указывающая на Ка'абу (направление на Мекку)

муэдзин – служитель мечети, призывающий мусульман к молитве

раджпуты – этно-сословная группа в Пакистане и Северной Индии

сурахи – тип сосуда с высоким вытянутым горлышком

суфа – сооружение для сидения или лежания, покрытое коврами

ханака – суфийская обитель

хауз – резервуар для питьевой воды

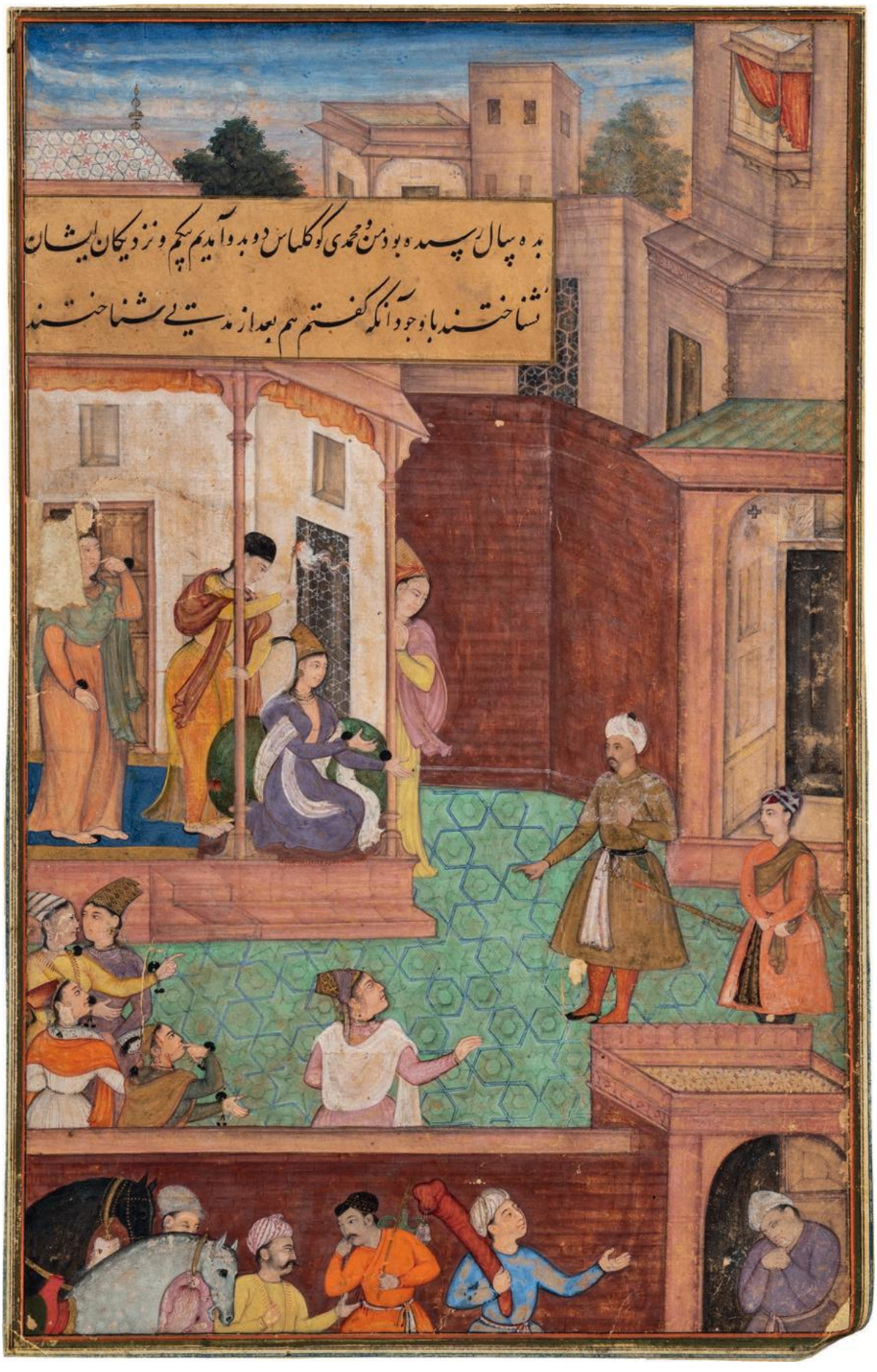
хашия (хашие) – широкие, художественно оформленные поля, обрамляющие миниатюру

хутба – молитва, содержащая прославление правящего государя, а также молитва о вступлении на престол нового государя

чинар – дерево семейства платановых

эмир – в странах мусульманского Востока титул военачальника, правителя, а также лицо, носящее этот титул

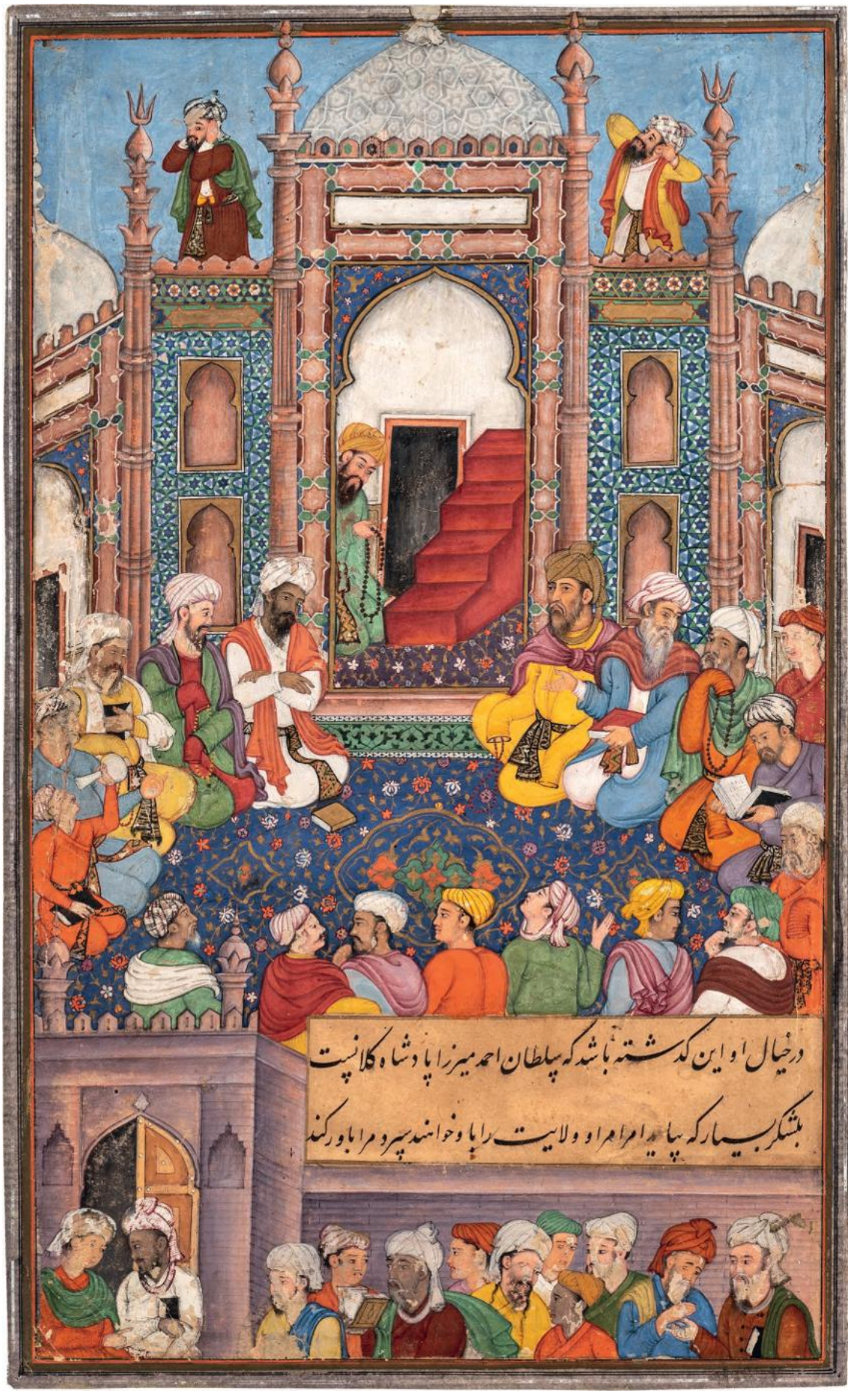

1. **Встреча Бабура с сестрой в Кундузе.** Событие 917 г.х. (1511). Инв. № 571 II

2. **Бабур у ворот крепости в Андижане.** Событие 899 г.х. (1494) Инв. № 1550 II

3. **Совещание беков в связи со смертью отца Бабура**. Событие 899 г.х. (1494) Инв. № 1564 II

4. **Замешательство в войсках Султана Ахмед мирзы на мосту.** Событие 899 г.х. (1494) Инв. № 776 II

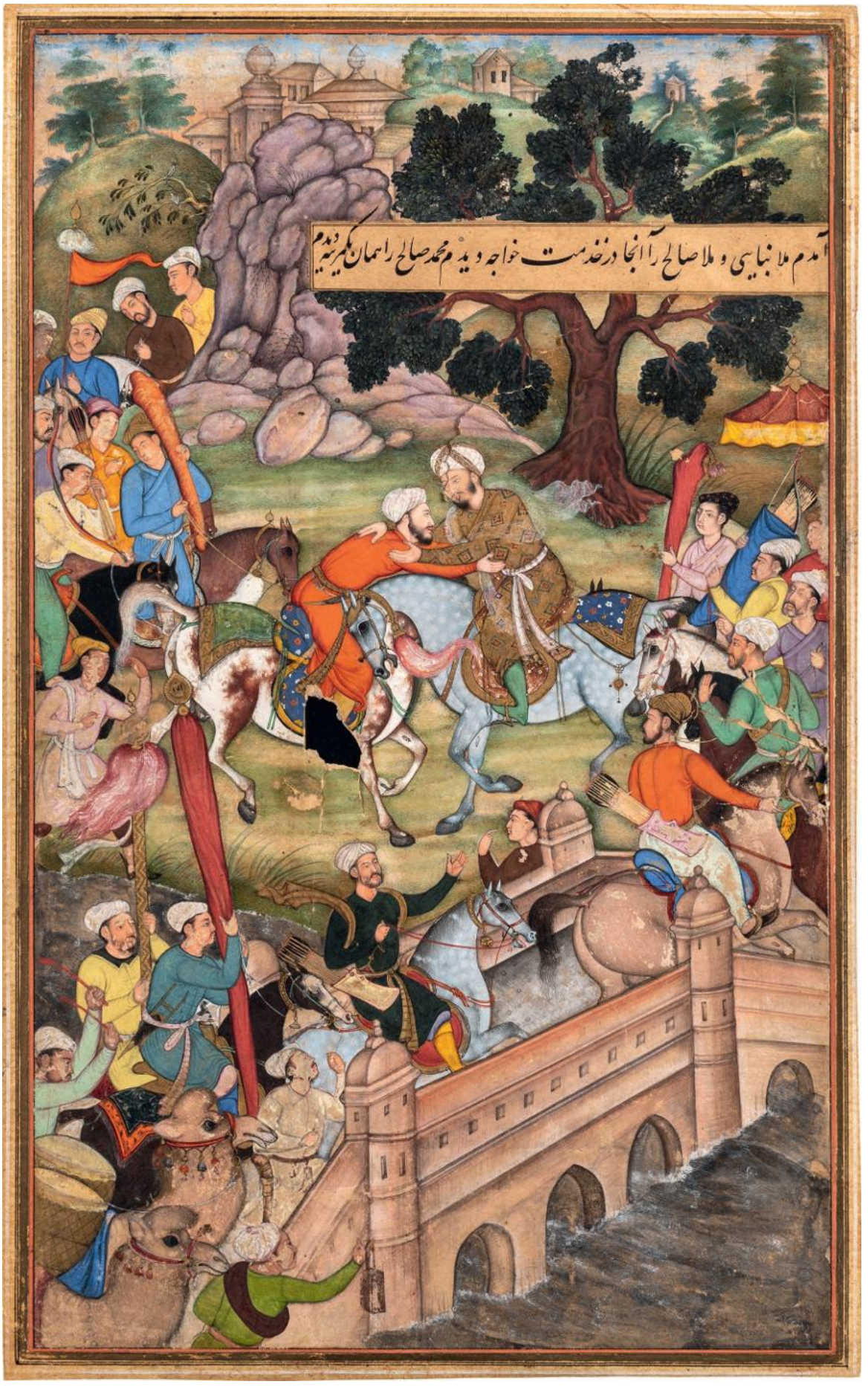
5. **Сражение с войском Абу-Бакра Дуглата под Узгендом.** Событие 899 г.х. (1494) Инв. № 580 II

6. Привод к Бабуру схваченного мятежника из окружения эмира Хасан Якуба.
Событие 900 г.х. (1494–1495) Инв. № 1541 II

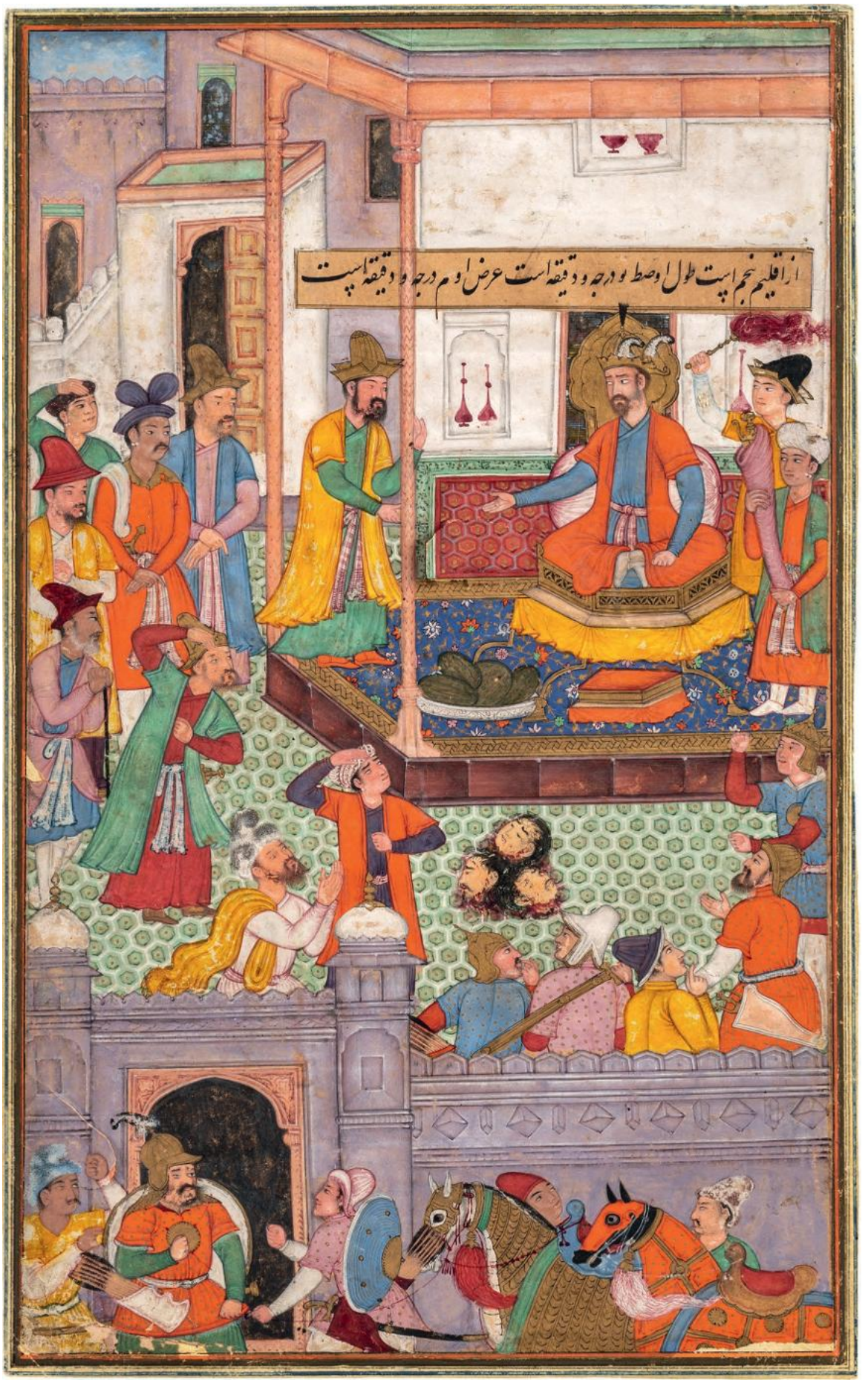
7. **Бегство мятежного эмира Хасан Якуба с места охоты в Самарканд.**
Событие 900 г.х. (1494–1495) Инв. № 762 II

8. **Свидание с Султаном Али мирзой.** Событие 901 г.х. (1495–1496) Инв. № 583 II

9. **Одна из стычек во время осады Бабуром Самарканда.** Событие 902 г.х. (1496–1497) Инв. № 1548 II

10. **Прием Бабуром жителей Самарканда.** Событие 903 г.х. (1497–1498) Инв. № 761 II

11. **Привод к Бабуру пленных.** Событие 905 г.х. (1499–1500) Инв. № 576 II

12. **Сражение конницы Бабура с отрядами Танбала.** Событие 905 г.х. (1499–1500) Инв. № 585 II

13. **Сражение конницы Бабура с отрядами Танбала.** Событие 905 г.х. (1499–1500) Инв. № 1549 II

14. **Жители Самарканда приветствуют Бабура.** Событие 906 г.х. (1500–1501) Инв. № 581 II

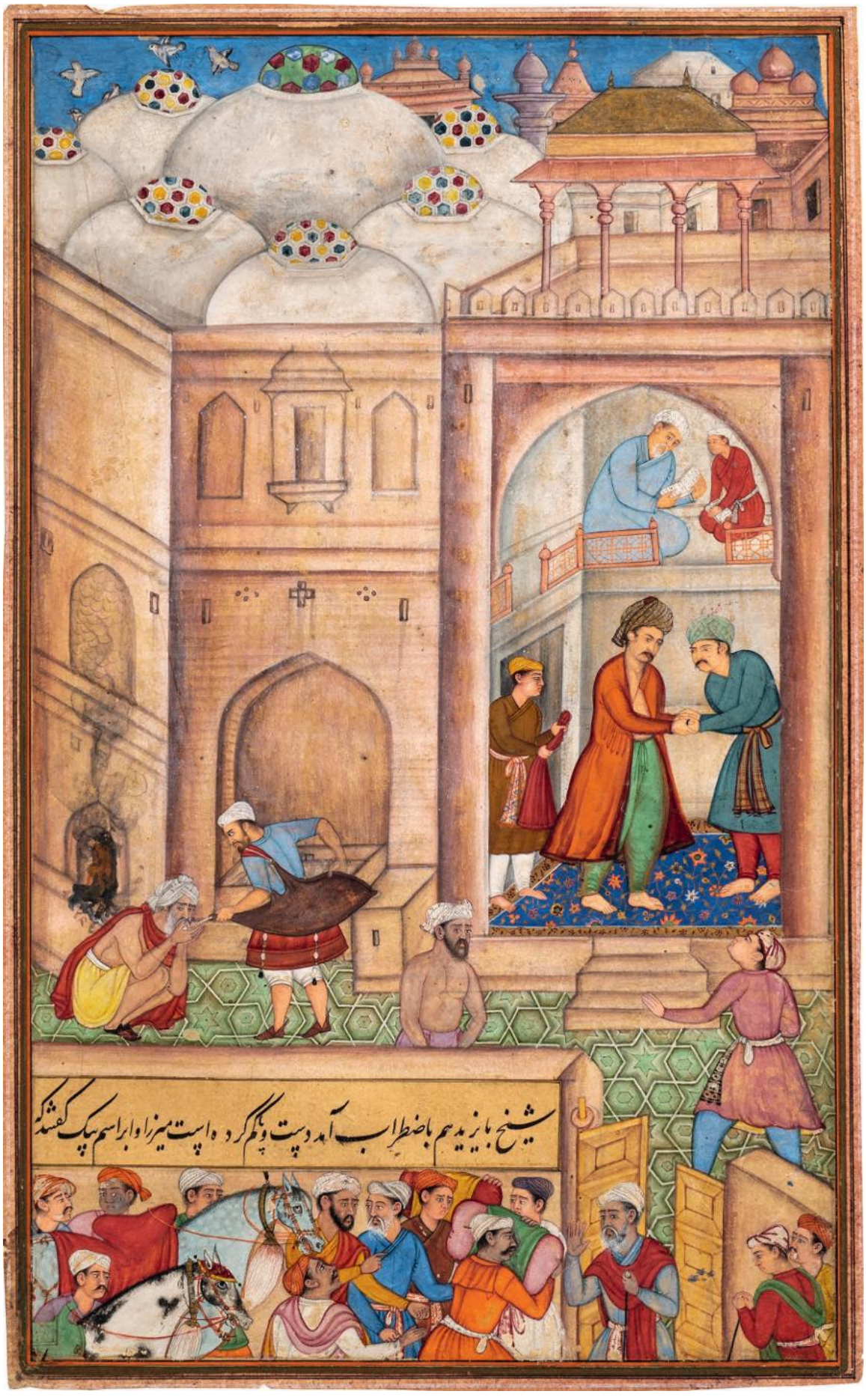
15. **Состязание в быстроте езды во время отступления из Самарканда.**
Событие 907 г.х. (1501–1502) Инв. № 1536 II

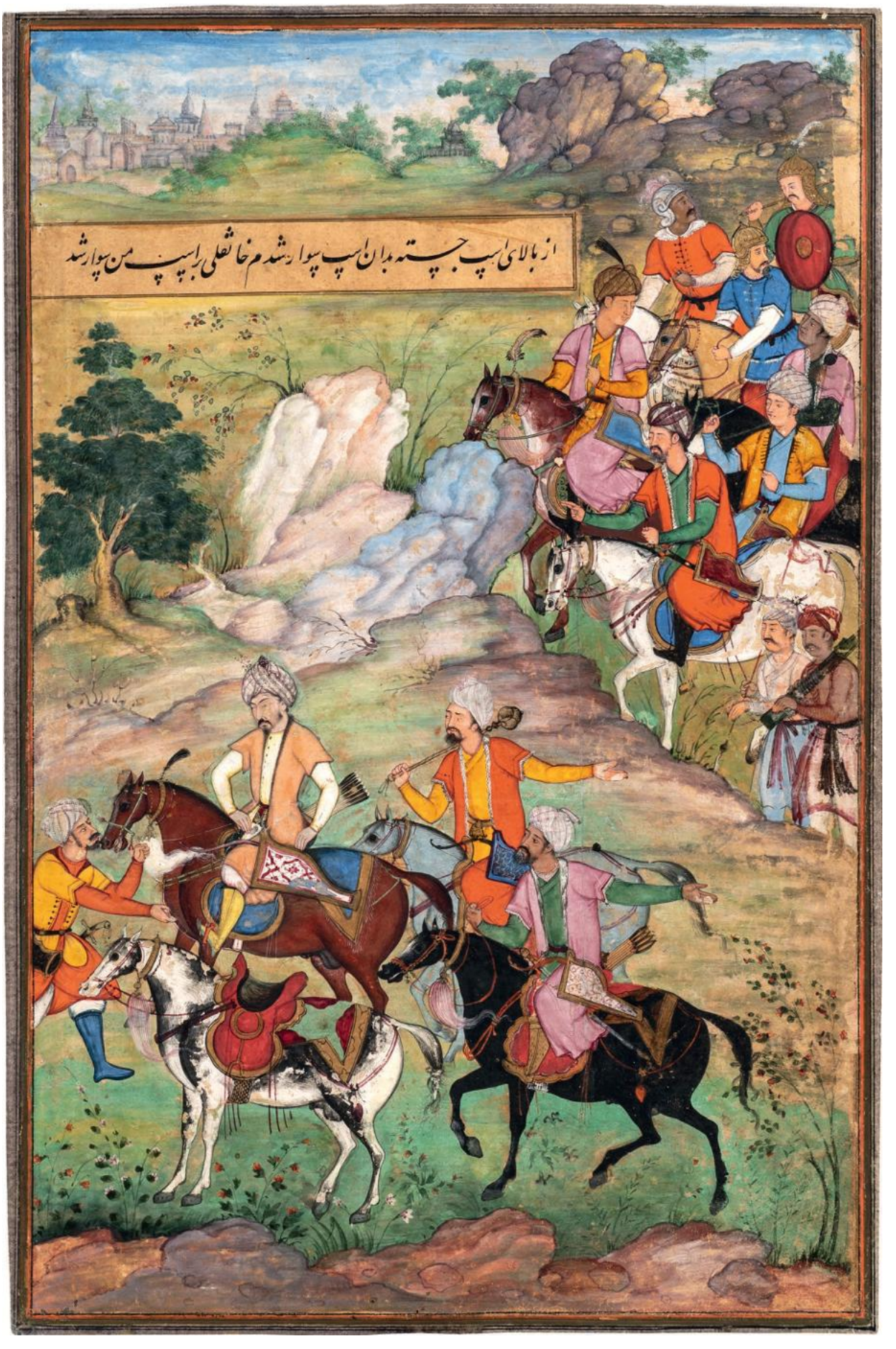
16. Церемония освящения знамени перед выступлением в поход монгольского хана.
Событие 907 г.х. (1501–1502) Инв. № 1551 II

17. **Сыновья Младшего хана приветствуют Бабура.** Событие 908 г.х. (1502–1503) Инв. № 579 II

18. **Прибытие Джехангира мирзы в Ахси к Бабуру** Событие 908 г.х. (1502–1503) Инв. № 1535 II

19. **Перемена лошади во время бегства Бабура из Ахси.** Событие 908 г.х. (1502–1503) Инв. № 763 II

20. **Хосров-шах изъявляет покорность Бабуру.** Событие 910 г.х. (1504–1505) Инв. № 578 II

21. **Бабур в своем саду под Кабулом наблюдает за выравниванием русла арыка**
Событие 910 г.х. (1504–1505) Инв. № 1539 II

22. **Ловля птиц в окрестностях Кабула.** Событие 910 г.х. (1504–1505) Инв. № 569 II

23. **Пир в доме Музаффар мирзы в Герате**. Событие 912 г.х. (1506–1507) Инв. № 574 II

24. **Пир в доме Бади аз-Заман мирзы в Герате.** Событие 912 г.х. (1506–1507) Инв. № 577 II

25. **Охота Бабура в долине Каттаваза.** Событие 913 г.х. (1507–1508) Инв. № 5731I

26. **Охота Бабура в долине Каттаваза**. Событие 913 г.х. (1507–1508) Инв. № 575 II

27. **Нападение узбеков на посланников Шах-Мансура.** Событие 913 г.х. (1507–1508) Инв. № 584 II

28. **Переход на сторону Бабура туркмена Пири-бека с братьями.** Событие 913 г.х. (1507–1508)
Инв. № 2079 II

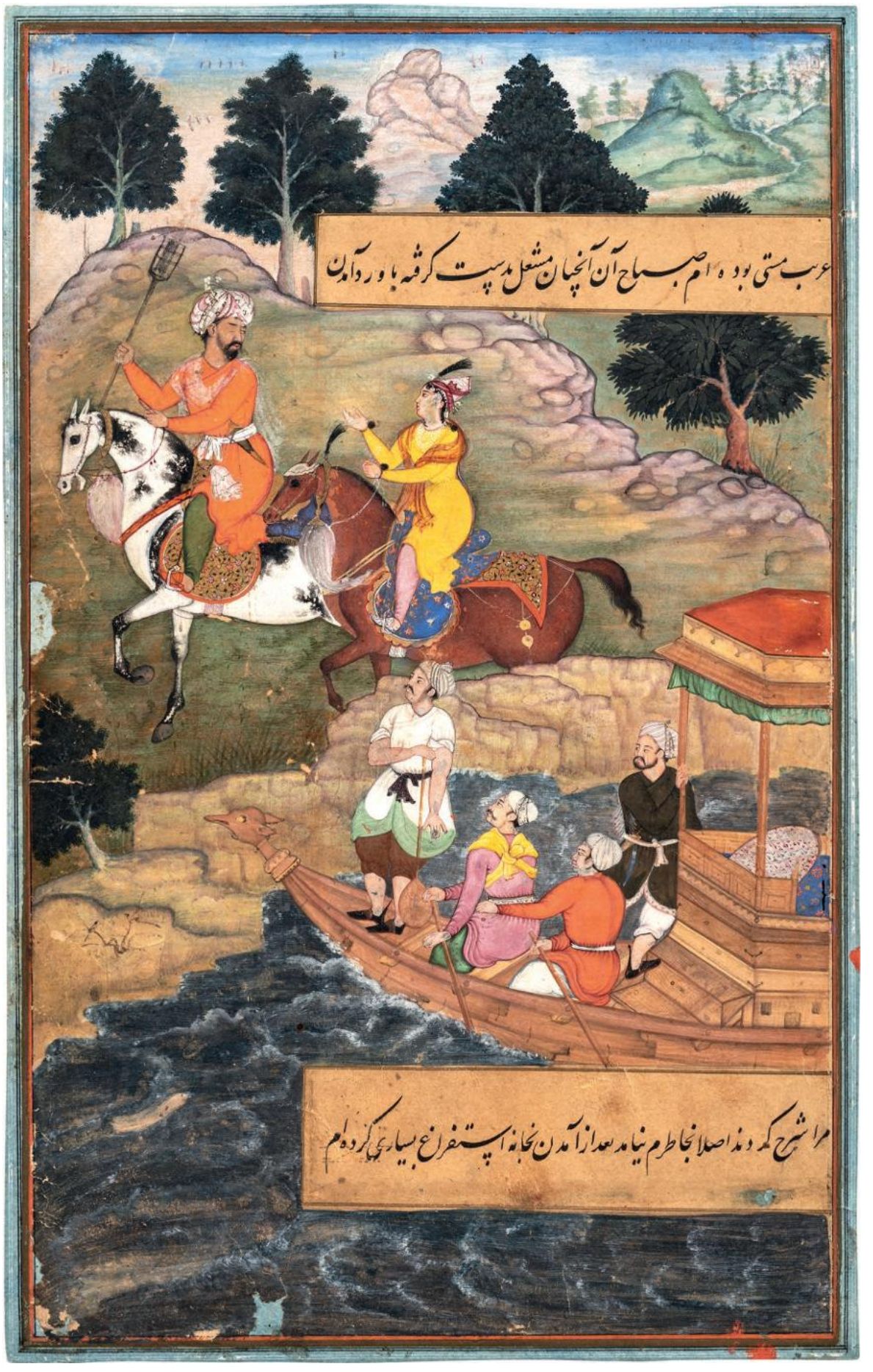
29. **Подсчет добычи, захваченной Бабуром в Кандагаре.** Событие 913 г.х. (1507–1508) Инв. № 2080 II

30. **Штурм войсками Бабура крепости Баджаур.** Событие 925 г.х. (1519–1520) Инв. № 1544 II

31. **Жители Нилаба подносят Бабуру дары.** Событие 925 г.х. (1519–1520) Инв. № 582 II

32. **Возвращение Бабура в лагерь после ночного пира в лодке.** Событие 925 г.х. (1519–1520)
Инв. № 1547 II

33. **Приключение во время плавания Бабура на плоту по реке Пенджхир**
Событие 925 г.х. (1519–1520) Инв. № 1538 II

34. **Выступление Хумаюна в поход против Хамид-хана**. Событие 932 г.х. (1525–1526) Инв. № 1542 II

35. Вступление Бабура в Агру. Событие 932 г.х. (1525–1526) Инв. № 1543 II

36. Носороги Инв. № 567 II

37-а. **Антилопы гарна.** Инв. № 2076 II

37-б. Бой двух антилоп гарна. Инв. № 2076 II

در مذهب امام حنیفه حلال است گوشت او خالی از مزه نیست بگوشت
دراج می ماند اما مثل گوشت شتر بکراهت طبع خورده می شود یکی دیگر طوطی است
این هم در بجور و ازان پایان تر ولایتها می شود در بهار در وقت بچین نوت
به بیکنهار و لمغانات می آید در وقتهای دیگر نیز می شود طوطی چند طور
می شود یک نوعی آنست که در ان ولایتها سیه بر مذهنخن گوی می گویند
یک نوع دیگر ازین طوطی خورد تر می شود و این را هم سخن گوی می گویند
این جنس را جنگلی می گویند این جنس در بجور و سواد و آن نواحی
بسیار می شود در ان مربته گنج هزار شش هزار یک خیل می پرد

64

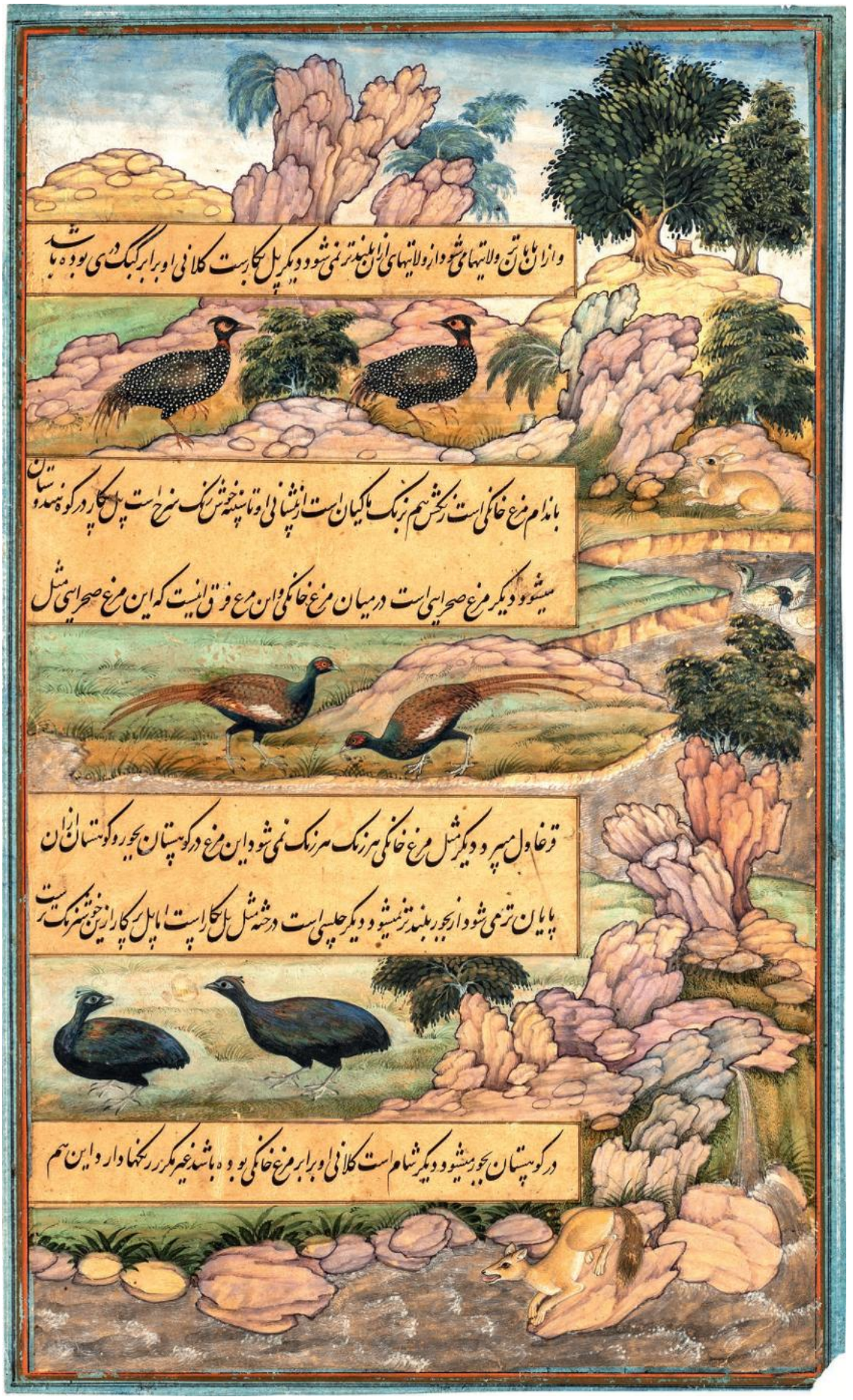
38. Попугаи и другие птицы Индии. Инв. № 568 II

39. Шарак (майна). Инв. № 586 II

40-а. Горные козлы и серый турач. Инв. № 2077 II

40-б. Птицы семейства фазановых. Инв. № 2077 II

41-а. Птицы семейства фазановых. Инв. № 750 II

41-б. **Журавли.** Инв. № 750 II

42-a. **Крокодил и гангский дельфин.** Инв. № 572 II

42-б. Охота на гавиала. Инв. № 572 II

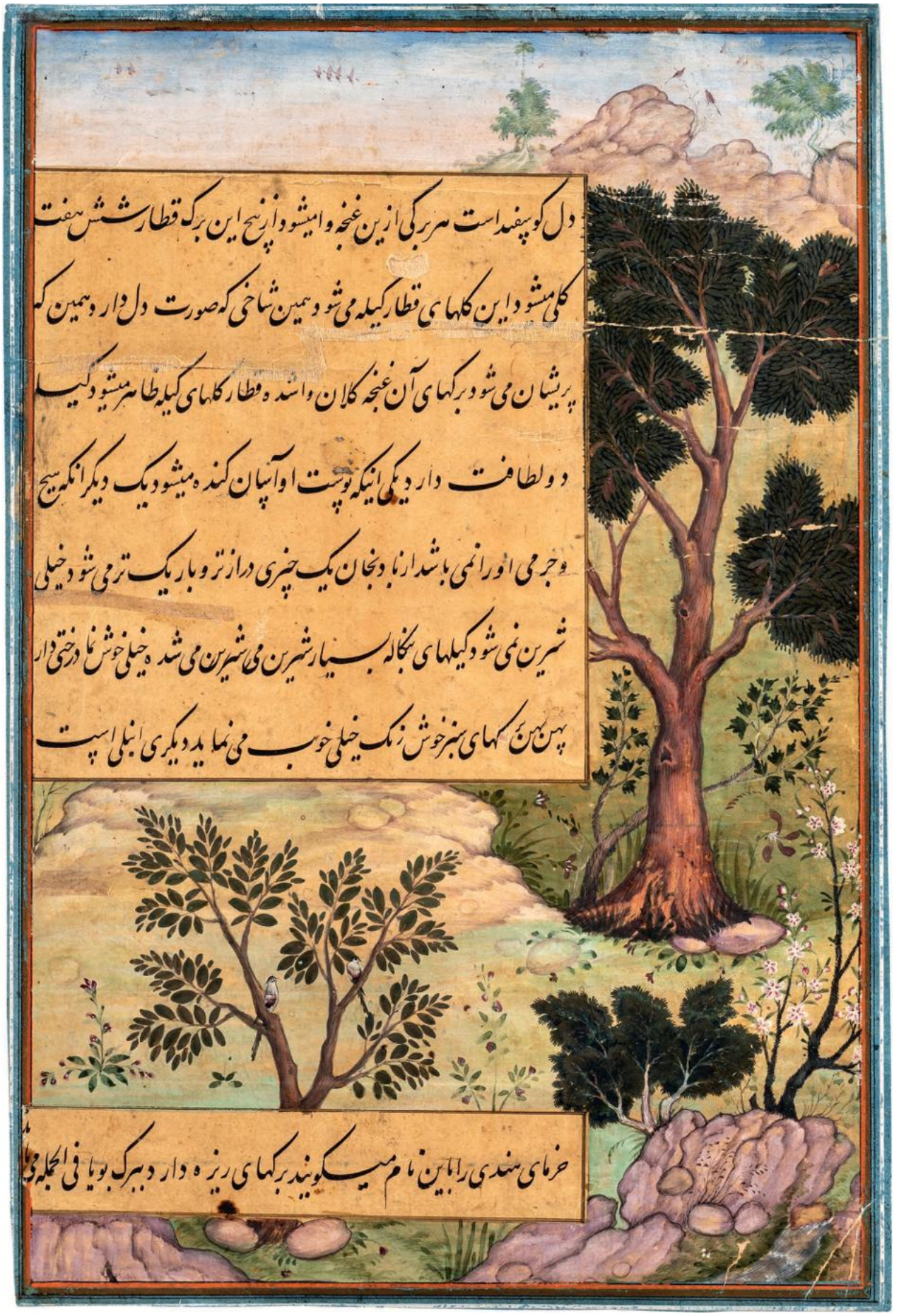
43-а. **Рыба какка**. Инв. № 752 II

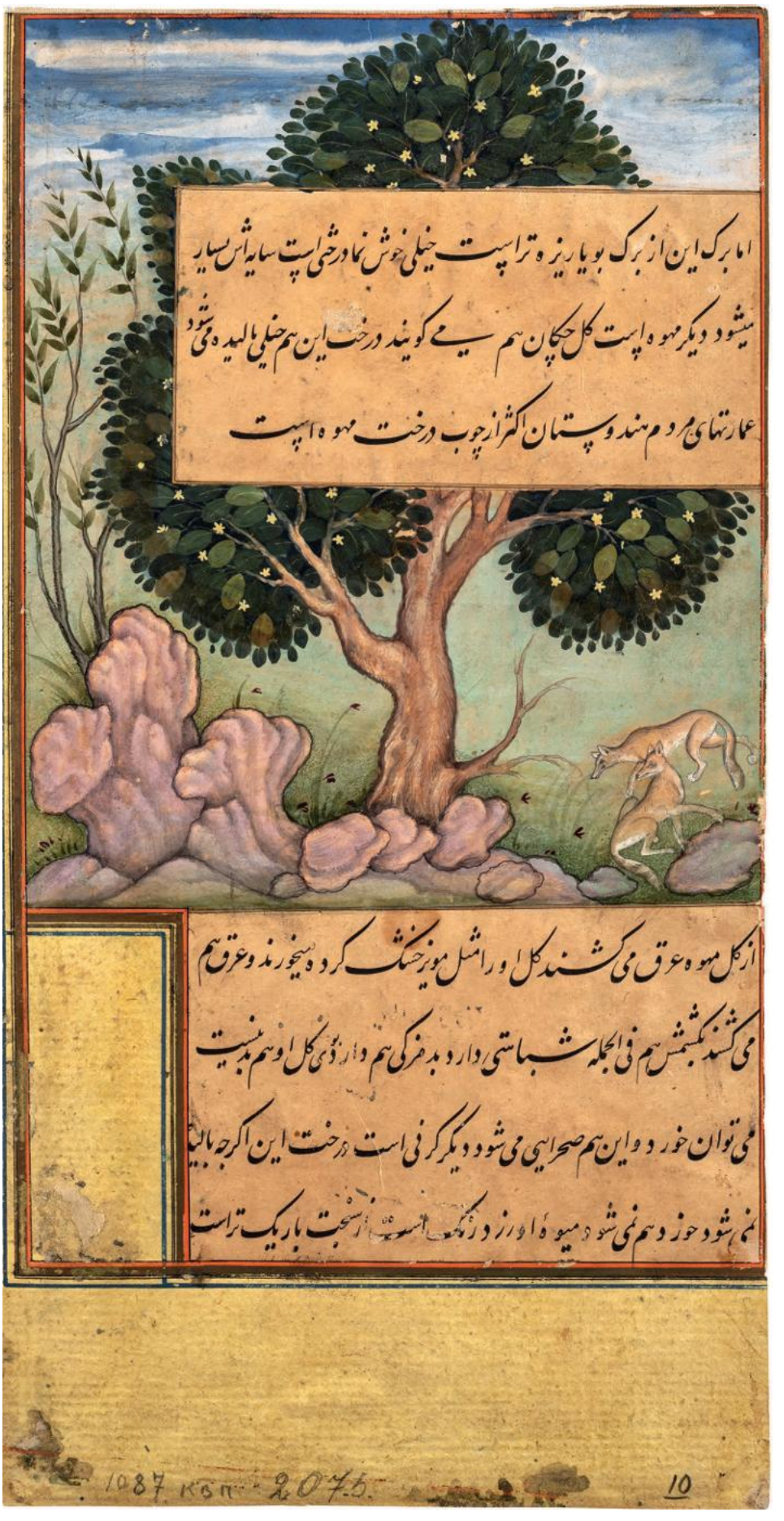
43-б. Дерево амби (манго) Инв. № 752 II

44-а. Дерево кила (банан). Инв. № 2081 II

44-б. Дерево амли (тамаринд). Инв. № 2081 II

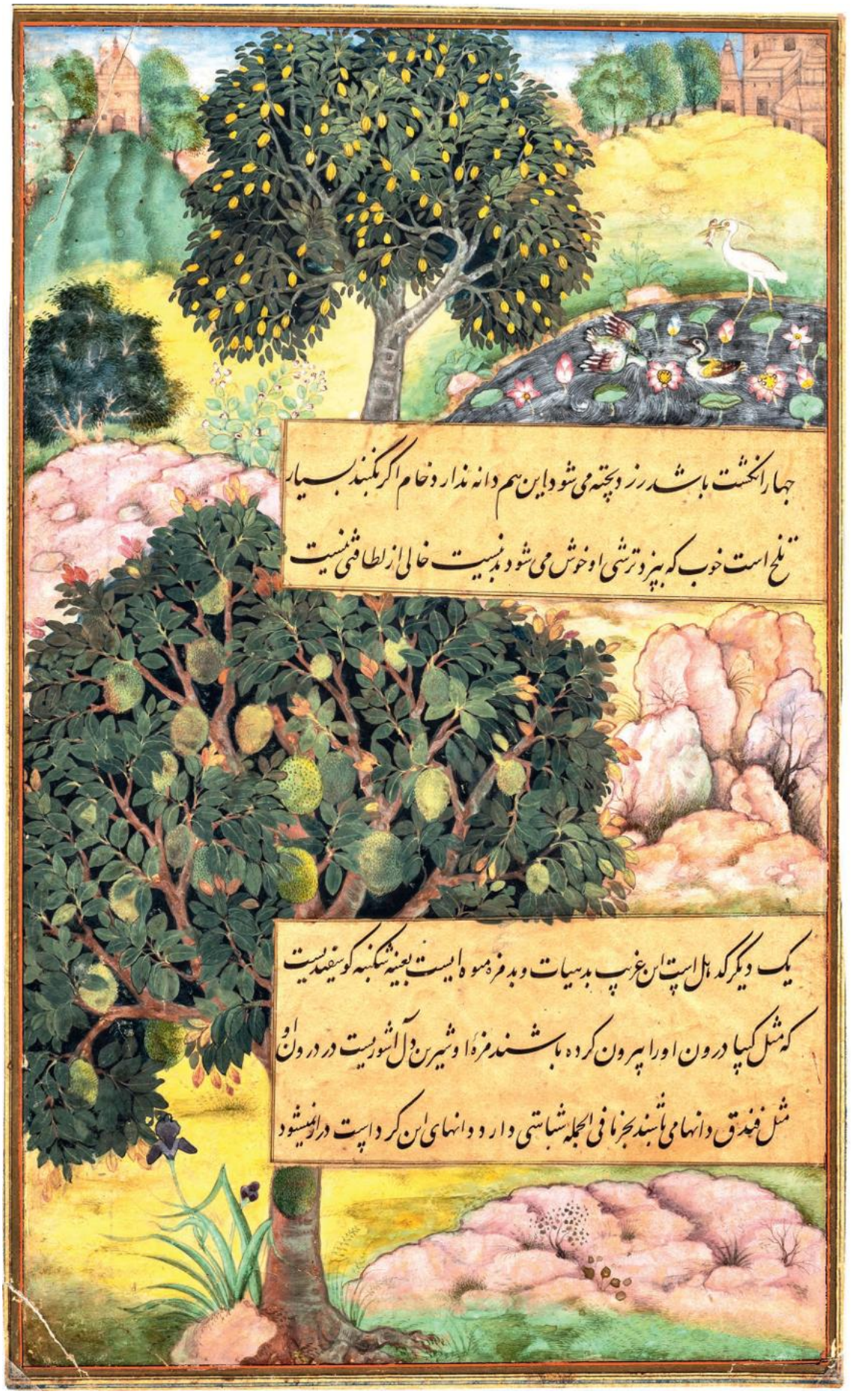
45-а. Дерево махува (мадука длиннолистная) и лисицы. Инв. № 2075 II

45-б. Дерево кирни (маникава) и джаман (джамбалан). Инв. № 2075 II

46-a. Деревья камрак (карамбола) и кадхил (хлебное дерево). Инв. № 570 II

46-б. Дерево бадхал (обезьянье хлебное дерево) и бир. Инв. № 570 II

47-а. Дерево гулар (кистевидный фикус). Инв. № 1197 II

47-б. Дерево амла (миробалан) и две лисицы. Инв. № 1197 II

نارنج در لمغانات وبجور وسوا د بسیار می شود وخوب می شود نارنج لمغانات خورد تر
وناف دار می شود بسیار لطیف ونازک وسیراب می شود ونارنج نواحی خراسان پوستی
مدار دار نازکی اوست که از لمغانات بکابل که سیزده چهارده فرسنگ باشد
تا آوردن بعضی نارنجها خراب می شود نارنج اسپترا با در ابستمر قند که دوصد و هشاد
دوصد شستاد فرسنگ باشد می برند از بسیاری پوست وکم آبی نارنج آنقدر خراب
نمی شود وکلانی نارنجهای بجور برابر سیب میشود آبش بسیار ست واز نارنجهای دیگر
آب این ترش تر پست خواجه کلان گفت که در بجور از همین جنس نارنج را از یک
درخت گرفته شمردیم هفت هزار نارنج برآمد در خاطر من دایم می گذشت که
لفظ نارنج معرب مانند است همان طور بوده مردم بجور وسوا د نارنج را نارنگ میگویند

82

49-а. **Цитрусовое дерево.** Инв. № 751 II

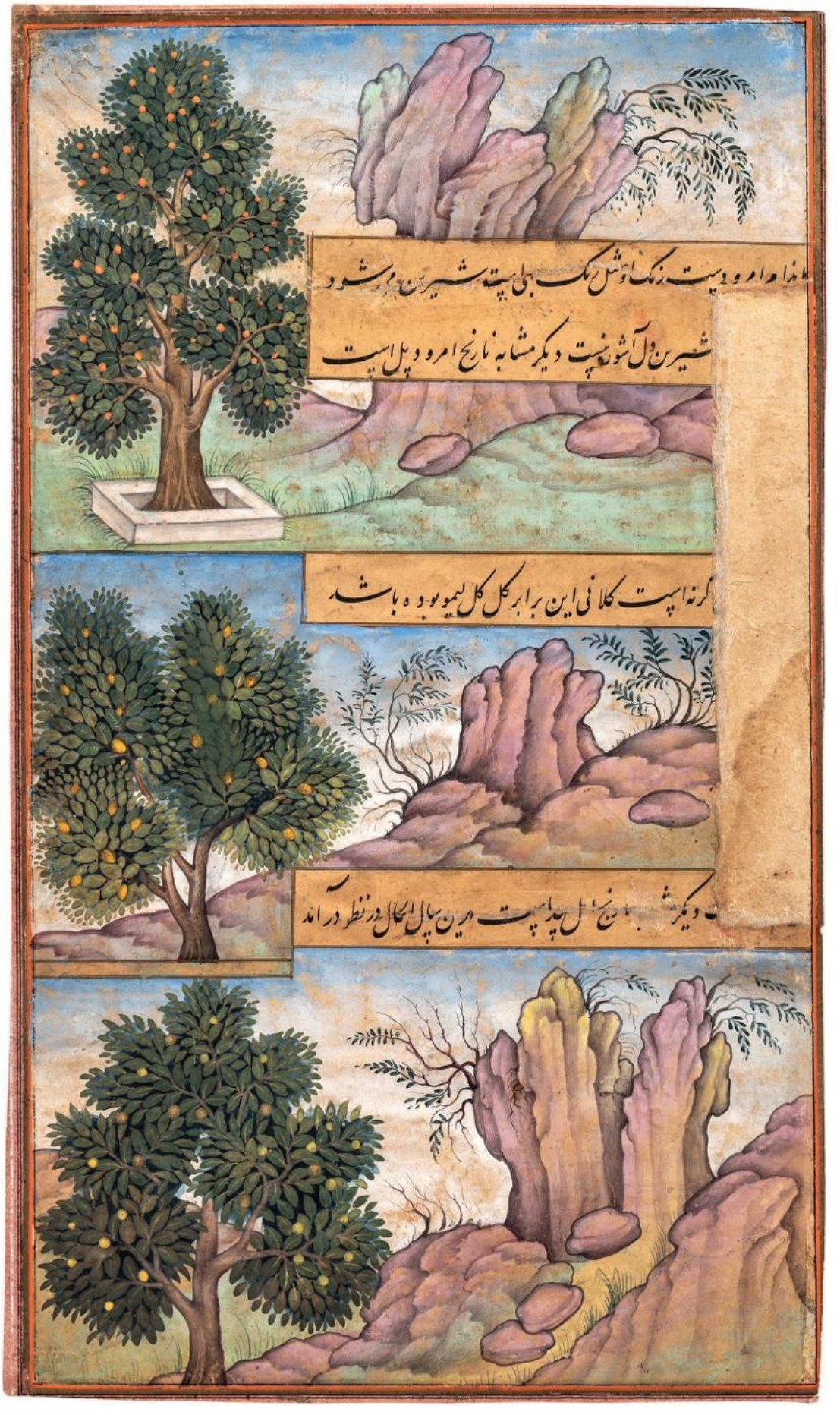
49-б. **Цитрусовые деревья.** Инв. № 751 II

50-а. **Цитрусовое дерево.** Инв. № 753 II

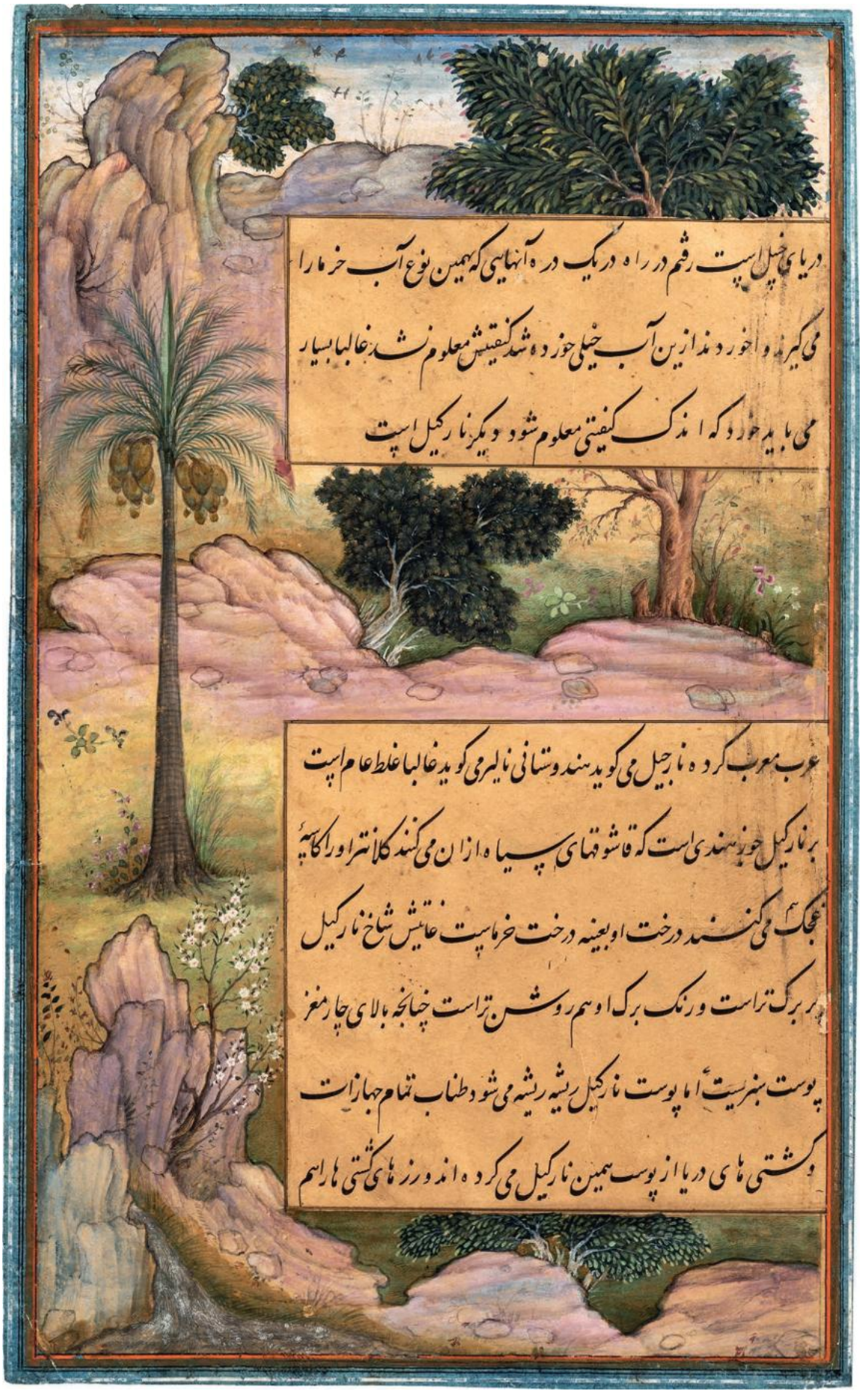
50-б. **Цитрусовые деревья.** Инв. № 753 II

51-а. Цитрусовые деревья. Инв. № 759 II

51-б. Джасун (гибискус). Инв. № 759 II

48. Дерево наргил (кокосовая пальма). Инв. № 2074 II

52. Пир Бабура по случаю победы во дворце Султана Ибрахима в Агре
Событие 932 г.х. (1525–1526) Инв. № 1540 II

53. **Суфа Бабура в Сикри.** Событие 933 г.х. (1526–1527). Инв. № 1537 II

54. **Взятие крепости в Чандери.** Событие 934 г.х. (1528–1529). Инв. № 2082 II

55. **К описанию достопримечательностей Гвалиора и Урвы**. Событие 935 г.х. (1528–1529)
Инв. № 2078 II

56. **Пир Бабура во дворце Султана Джелал ад-Дина в Карре**. Событие 935 г.х. (1528–1529)
Инв. № 1552 II

57. **Приключение с рыбой на Ганге.** Событие 935 г.х. (1528–1529). Инв. № 1545 II

قیلیب نماز شام اوردوغه کیلیندی تانکلاسی کوچوب بجورنینك جلکاسیدا
بابا قرا چشمه‌سیغه هر نیچه کیشت ایدی کیم قالیب ایدی خواجه کلان‌نینك
شفاعتی بیله کناه‌لارینی باغیشلاب اهل وعیال‌الارغه قایتیب بیربلدی بعضی
سلطان‌لاری‌وسرکش‌لاری کیم ایلیك‌کا توشوب ایدی بساق‌غه بیتی سلطان‌لاری‌نینك
باشی بیله بیر نیچه باش بوفتح خبری بیله کابل‌غه پیباریلدی بدخشان وقندوز
وباغ‌غه هم فتح نامه بیله باش‌لار پیباریلدی شاه منصور یوسف زیی کیم
یوسف زیی‌دین کیلیب ایدی بو فتح‌دا وبو قتل عام‌دا بار ایدی تون کیدوروب
یوسف زیی‌کا سیاست‌لار بیله فرمان بیتیب رخصت بیربلدی بجور قورغان‌نینك
مهمات‌دین خاطر جمع قیلیب سه‌شنبه کونی محرم ایی‌نینك توقوزیدا کوچوب
بیرار کوروه قویی‌راق اوشبو بجور جلکاسیدا اوق توشوب بیر بلندی‌دا کله
مناره بوبورلدی چهارشنبه کونی سیر قیلا اتلانیب بجور قلعه‌سیغه باریب
خواجه کلان‌نینك اوبیدا مجلس شرب بولدی بجور نواحی‌سیداغی کافرلار بیر
نیچه نولوم‌دا چاغرلار کیلتوردیلار بجورنینك چاغری میوه‌سی تمام نواحی‌سیداغی
کافرستان‌دین کیلور کیچه اندا بولوب صباحی قورغان‌نینك برج وبازوسینی
ملاحظه قیلیب اتلانیب اوردوغه کیلدیم تانکلاسی کوچوب خواجه حضر رودی
بناسیغه توشتوك اندین کوچوب جندول رودی بناسیغه توشتوك فرمان بولدی
کیم بجور قورغانیغه کومك بیتیلکان ایل بی‌باق بجورغه بارغایلار یکشنبه کونی
ای‌نینك اون تورتیدا خواجه کلان‌غه انواع عنایت‌لار قیلیب بجور قورغانیغه
رخصت بیربلدی خواجه کلان‌غه رخصت بیرکاندین بیر ایکی کون سونك بو غبنه
قطعه خاطرغه کیلدی خواجه کلان‌غه بیتیلیب پیباریلدی

قرار وعهد بیار اینچنین نبود مرا * کزین هجرو مرا کرد بیقرار آخر
بعشوهای زمانه‌چه چاره سازد کس * بجور کرد جدا یارا ز یار آخر

چهارشنبه کونی محرم ایی‌نینك اون بیتی‌سیدا سلطان علاءالدین سوادی سلطان

ویس‌نینك سودا معارضی کیلیب ملازمت قیلدی پنجشنبه کونی بجور بیله
جندول اراسیداغی تاغ‌نی اولادوك بو تاغ‌نینك بوغو مرالی قب قرا رنك‌لیك
بولادور قویرغی ینه بیر اورغچه رنك‌لیك غالبا موندین قویی هندوستان
بوغو مرالی تمام قب قرا بولور اوشبو کون ینه بیر ساریق قوش توشتی اول
داغی قرا ایدی کوزلاری هم قرا ایدی اشبو کون بورکوت بیر کیبك الدی
چریك ایلی‌دا اشلیق کراق بولوب ایدی کهراج دره‌سیغه باریب اشلیق آلیب
سوادقه یوسف زیی افغان اوستیکا پوروماك عزیمتی بیله ادینه کونی کوچوب
جندول سویی بیله بجور سویی‌نینك قاتیلیشی بیله پنج کوره سویی‌نینك
ارالیغی‌غه توشولدی شاه منصور یوسف زیی بیر نیچه خوش خوار وکیفیت‌لیك
کالی کیلتوروب ایدی بیر کالینی اوچ بولوب بیر خصه‌نی مین بیدیم بیرنی
کدایی طغایی ینه بیرنی عبدالله کتاب‌دار غریب کذرا کیفیت قیلدی اول
مرتبه‌دا کیم نماز شام‌دا بیك‌لار پیغیلفاندا کینکلش‌کا چیقا آلمادیم عجب نیمه‌دور
ایدی ایدی‌لار اکر اوشال جنس کالی‌دین بیرنی درست بسام معلوم اماس کیم
انینك باری‌چه کیفیت قیلغای اندین کوچوب کهراج دره‌سی‌نینك وبیش کرام
دره‌سی‌نینك اغزیغه یاوق پنج کوره‌نینك الیغه نوشولدی اوشبو بورتنه ایکاندا
قار اشوق‌تین یاغدی بو اراده احیانا قار یغار ایکاندور اول ایلی تعجب قیلدیلار
سلطان وبس سوادی‌نینك انفاق بیله چریك مصاحتی جهتیدین کهراج ایلی‌کا
تورت مینك خروار اشلیق تحمیل بولدی بو اشلیق تحصیل‌غه سلطان وبس‌نی
پیباریلدی روستایی کوهی ایل هرکز موندان تحمیل‌لارنی تارتقان ایماس‌لار
اشلیق بیرالمای بوز ولدی‌لار ینه سه‌شنبه کونی ای‌نینك بیکرمه اوچیدا
چریك‌نی هندو بیك‌کا باشلاتیب پنج کوره‌غه چاپقون پیباریلدی پنج کوره
تاغی‌نینك اورتاسیدین بوقارراق واقع بولوب تور بیر کروه‌قه یاوق داپان
چیقماق کراك تا پنج کوره‌نینك کینت‌لاریکا کیشی بینکای ایل قاچیب چیقیب

ایدی

ایدی بیر پاره کاله قرالارنی و اوی‌لاری‌دین قالین اشلیق‌لارنی کیلتوردیلار
تانکلاسی چریك‌نی قوچ بیك‌کا باشلاتیب چاپقون پیباریلدی پنجشنبه کونی
ای‌نینك بیکرمه بیشیدا چریك ایلی اشلیق آلور مصاحتی جهتی‌دین کهراج‌نینك
درسی‌نینك ایچیکا ماندیش کینت‌لاریکا توشولدی همایون‌دین سونکرا همایون
بیله بیر توقفان نیچه فرزند بولدی تورمادی هندال هنوز توغمایدور ایدی
بو نواحی‌لاردا ایکاندا ماهیم‌دین خط کیلدی بیتیب دور کیم خواهی اوغول بولسون
خواهی قیز مینینك بختیم وطالعیم منکا بیرینك مین فرزند قیلای وساغلای
ادینه کونی آی‌نینك بیکرمه آلتی‌سیدا اوشبو بورتنه ایکاندا هندال‌نی
ماهیم‌غه بیریب خطلار بیتیب یوسف علی رکابدارنی کابل‌غه پیباریلدی هنوز
هندال توغمایدور ایدی اوشبو بورتنه ایکاندا ماندیش ولایتی‌دا درەنینك
اورتاسیدا بیر بلندی اوستیدا بیر اولوغ صفه تاش بیله یاسالیندی کیم آطاق
اولی پیش خانه‌سی بیله سیغدی بو صفه‌نینك تاشلاری‌نی تمام اپچکی لار وسپاهی‌لار
تاشیدی بو سوزنینك تفصیلی بودور کیم چون آنینك بیله توقفان‌لاردین اول
زمانقه‌چه بیر اوغول کیم بار ایدی آندین کوچیك اورکا باریدین اولوغ ینه
اوچ قیز بیری مهرجان ینه ایکیسی کوچیك‌لیك‌دا تورمادیلار وبیر توقفان هوسی
خیلی بار ایردی اول زمان‌دا دلدار اغاچه‌نی بویی اغیر ایردی مین دیر ایدیم
کیم بی‌بولغای ایدی انکا بیر توقفان بولسه ایدی حضرت والده دیدیلار کیم
اکر دلدار اغاچه اوغول توغسه آلیب اسراسام نیچوك‌دور مین دیدیم بسیار
خوبتور غالبا ضعفا اراسیدا فالی رسم‌دور کیم اوغول بولورمو یا قیز بولورمو
ایکین‌دیب ایکی کاغذ‌دا بیریدا علی یا حسن بیتیب ینه بیریدا فاطمه بیتیب
ایکی کلوله بالچق ایچیدا قویوب اول بالچق‌لارنی بیر اباغ سو ایچیکا قویارلار
هر قایسی بورنا اچیلسا اندین استدلال قیلورلار ایر کیلسه ایر بولور قیز کیلسه
قیز بولور دیرلار فال قیلدیلار ایر کیلدی چون مژده بولدی انینك یوزدین

اوق خط بیتیب پیباردوك نیچه کوندین سونکرا ایر اوغول تینکری کرم
قیلدی خبردین بورنا اوچ کون توقفاندین سونکرا اناسی البدین خواهی وناخواهی
آلیب اوبیزکا کیلتوروب سفلاتورلار چون ولادتی‌نینك خبری پیباردوك
بهروقی‌الفاندا بو خبر بیتار تیمنا ونفالا آتی‌نی هندال قویدیلار بو مناسبت‌لاردین
منکا هم اپنی‌دور وهم فرزند یوسف زیی‌افغاندین ملك شاه منصور ملك
سلیمان شاه‌نینك اوغلی کیلیب ایدی ودولتخواهلیق مقامیدا ایدی یوسف
زیی اولوس‌نینك مصاحتی‌غه انینك قیزینی تیلاب ایدیم بو بورتنه خبر
کیلدی کیم شاه منصورنینك قیزی یوسف زیی‌نینك مالی بیله کیله‌دور نماز
شام‌دا چاغر صحبتی بولور ایدی صحبت‌نه سلطان علاءالدین‌نی چارلاب
اولتورغوزوب خاصه خلعت عنایت بولدی یکشنبه کونی آی‌نینك بیکرمه سیکیزیدا
کوچوب کهراج دره‌سی‌دین چیقیب توشتوك طاوس خان یوسف زیی شاه
منصورنینك اینیسی مذکور بولغان برادر زاده‌سی‌نی بو بورتنه کیلتوردی
بهسوت ایلی‌نینك بجور قورغانیدا مناسبتی بار جهتی‌دین بو بورت‌تین یوسف
علی بکلولی‌نی پیباریلدی کیم کوچوروب بجور قورغانیغه کیلتورکای کابل‌دا
قالغان چریك‌کا فرمان‌لار بیتیب پیباریلدی کیم کیلکای‌لار ادینه کونی صفر
آی‌نینك اوچیدا پنج کوره سویی بیله بجور سویی‌نینك قاتیلیشی‌غه توشولدی
یکشنبه کونی ای‌نینك بیشیدا بو بورت‌تین بجور باریب خواجه کلان‌نی اویی‌دا
چاغر صحبتی بولدی سه‌شنبه کونی آی‌نینك بینی‌سیدا بیك‌لارنی وداع‌زاك
افغان‌لاری اولوغ‌لارنی تیلاب کینکاشیب سوزنی مونکا قویولدی کیم بیل آخر
بولوبتور خوت‌غه بیر ایکی کون قالیب تور توزداکی اشلیق‌نی تمام کوتاریب تورلار
بو فرصت‌نه سوادقه بارساك چریك ایلی اشلیق نابهای تنقیص‌لیق بولغاسیدوز
انباهبر وپانی‌مال بولی بیله یوروب هشتغرنینك بوقاری پانی بیله سواد سویی‌نی
اوتوب یوسف زیی‌نینك سنکری ما*مورا توغربسی توزداکی اولتورغان

افغان

«Бабур-наме» из собрания Государственного музея Востока / Авт. вст. ст. и сост. Е.М. Карлова // Владивосток: ЛИТ, 2020 – 96 с., цв. ил.

ISBN 978-5-6043372-7-1

Издание посвящено выставке миниатюр, иллюстрирующих рукопись воспоминаний могольского падишаха Захир ад-Дина Мухаммада Бабура (1483–1530) из собрания Государственного музея Востока (Москва). Эти уникальные работы были выполнены на рубеже XVI - XVII вв. - в период наивысшего взлёта могольской живописи. Одна из самых представительных коллекций «Бабур-наме» в мире представлена в Приморской государственной картинной галерее впервые.

Подписано в печать 17.09.2020 г.
Печать офсетная. Бумага мелованная матовая Заказ № .
Тираж 500 экз.
Отпечатано в ЗАО «ЛИТ»
Отпечатано в точном соответствии с предоставленным оригинал-макетом.
Издательство не несет ответственности за содержание отпечатанных материалов
Адрес: г. Владивосток, ул. Комсомольская, 1в. Тел. /факс: (423) 245-66-33

© Государственный музей Востока, 2020
© Приморская государственная картинная галерея, 2020
© Карлова Е.М., текст

Евгения Михайловна КАРЛОВА

Евгения Михайловна Карлова, автор этого каталога, рано состоялась как исследователь изобразительного искусства и культуры Индии, талантливый автор, глубоко преданный музейному делу человек. Проработав с коллекцией индийского искусства в собрании Государственного музея Востока без малого двадцать лет, Евгения Михайловна сумела обобщить и вывести на новый уровень научного знания многие актуальные проблемы индологии, представляя свои суждения коллегам, посетителям многочисленных организованных ею выставок и студентам.

Выставка «Бабур-наме», к открытию которой приурочено это издание, не стала исключением. В небольшом по объему каталоге представлены листы из знаменитой рукописи, выполненной на рубеже XVI-XVII вв.. Свойственным ей живым, образным, легким языком Евгения Михайловна изложила события из автобиографии Захир уд-Дин Мухаммада Бабура (1483-1530), основателя династии Великих Моголов, опираясь на миниатюры, представленные в каталоге и на выставке. Многие из них в процессе подготовки издания получили новое название, некоторые сюжеты были прочитаны автором заново с опорой на текст «Бабур-наме».

К сожалению блестящий творческий путь Евгении Михайловны был трагически прерван ее кончиной 15 сентября 2020 года, ненаписанными останутся научные работы, несозданными – выставки. Только со страниц книг звучит ее голос – голос настоящего ученого, влюбленного в свое дело.